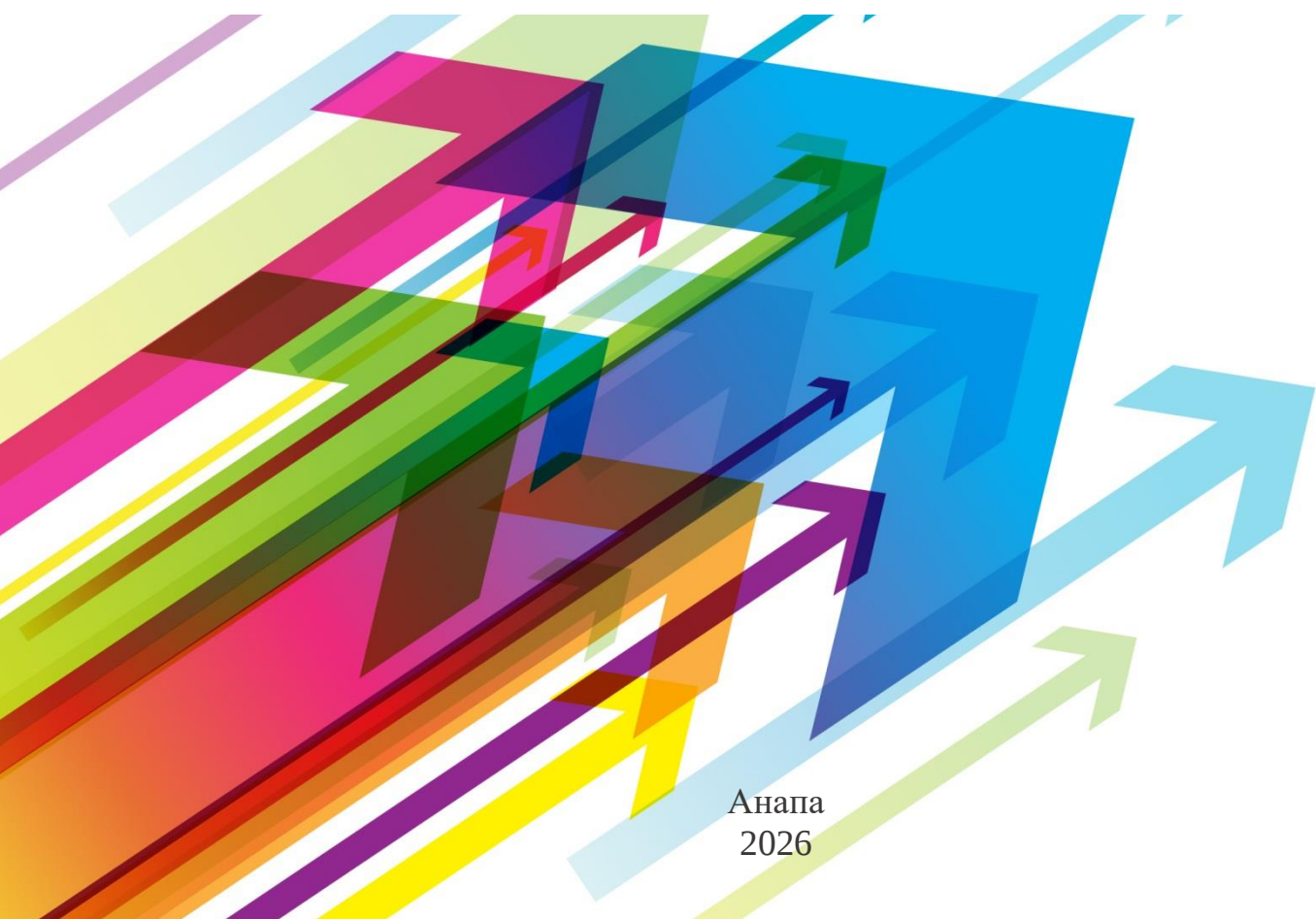

Научно-исследовательский центр «Иннова»

НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов по материалам
XIX Международной научно-практической конференции,
07 июля 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

НЗ4

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

НЗ4 НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. Сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 07 июля 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 92 с.

В настоящем издании представлены материалы XIX Международной научно-практической конференции «Наука в современном мире: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития», состоявшейся 07 июля 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-97873-052-4

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Гаджиева Севиндж мубариз кызы 5

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ, МОНЕТАРНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ДРАЙВЕРЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Мокаев Михаил Эдуардович 12

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ

КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Орысбаева Молдир Сейткызы 21

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИГРОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО

АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Галкина Светлана Викторовна, Шестакова Арина Александровна

Дядяшева Галина Ивановна, Савина Надежда Ивановна 26

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Ибрагимова Яна Ильдаровна 31

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

НОРМИРОВАНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РАССТОЯНИЙ ДЛЯ

ОБЪЕКТОВ СКЛАДСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Гордюшов Данила Дмитриевич 40

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

РОЛЬ K. PNEUMONIAE КАК ВОЗБУДИТЕЛЯ ДИАРЕИ У ДЕТЕЙ:

РЕЗИСТЕНТНОСТЬ И ФАКТОРЫ ВИРУЛЕНТНОСТИ

Осмаева Заира Шоиповна

Галкина Елизавета Андреевна 47

**ВАКЦИНОПРОФИЛАКТИКА ОПОЯСЫВАЮЩЕГО ГЕРПЕСА У
ДЕТЕЙ: СНИЖЕНИЕ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И ДОЛГОСРОЧНОЕ
ВЛИЯНИЕ НА ПОПУЛЯЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ**

Осмаева Заира Шоиповна

Галкина Елизавета Андреевна 53

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕРАПИИ ГАСТРИТА

Осмаева Заира Шоиповна, Войнова Екатерина Юрьевна

Галкина Елизавета Андреевна, Белякова Ирина Сергеевна 60

**ЛЕЧЕНИЕ ПОСТКОВИДНЫХ НАРУШЕНИЙ: ФОКУС НА
ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНУЮ И
АНТИКОАГУЛЯНТНУЮ ТЕРАПИЮ**

Осмаева Заира Шоиповна, Катушкина Елизавета Дмитриевна

Галкина Елизавета Андреевна, Белякова Ирина Сергеевна 69

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МОТИВАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ
КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Смирнов Даниил Станиславович 78

**ВЛИЯНИЕ ОПЫТА МАТЕРИНСТВА (ИЛИ ЕГО ОТСУТСТВИЯ)
НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ЖЕНЩИН 30-45 ЛЕТ**

Юматова Ольга Александровна 83

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 658.15

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Гаджиева Севиндж мубариз кызы

студентка

Научный руководитель: Болдырева Нина Павловна,

к.э.н., доцент

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), ОГУ,

город Орск

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные теоретические подходы к определению экономической сущности платежеспособности и финансовой устойчивости организации. Обобщены взгляды различных авторов на данные категории. Описана методика оценки платежеспособности с помощью показателей и системы финансовых коэффициентов. Представлена балльная методика позволяющая отнести предприятие к тому или иному классу финансовой устойчивости.*

The article examines theoretical approaches to defining solvency and financial stability of an organization. Author's interpretations of these categories are systematized. The methodology for assessing solvency through liquidity ratios and a set of financial stability coefficients is considered. A scoring method for classifying enterprises by financial condition level is presented.

***Ключевые слова:** платежеспособность, финансовая устойчивость, ликвидность, финансовые коэффициенты, анализ финансового состояния, балльная оценка*

Keywords: *solvency, financial stability, liquidity, financial ratios, financial condition analysis, scoring assessment*

В рыночной экономике вопросы платежеспособности и финансовой устойчивости организации приобретают все больше значения— как в теоритическом так и в практическом аспекте. Регулярное отслеживание данных показателей позволяет существенно снизить коммерческие и финансовые риски, обеспечивая стабильную работу компании [2; 112]. Оценка ликвидности и платежеспособности предприятия — это необходимый инструмент управления, который позволяет понять способна ли компания своевременно и полностью погашать свои обязательства. Анализ указанных показателей помогает вовремя обнаруживать финансовые риски и принимать меры по их снижению.

Высокий уровень финансовой устойчивости говорит о том, что у предприятия достаточно ресурсов для обеспечения нормального функционирования, выполнения обязательств, непрерывности производственного процесса и рационального использования собственного и заёмного капитала. Чем выше финансовая устойчивость предприятия, тем более прочные позиции оно занимает на рынке и тем ощутимее его конкурентные преимущества [3].

Платежеспособность является одной из ключевых характеристик финансового состояния любой организации. Платежеспособное предприятие вовремя платит кредиторам и покрывает другие текущие расходы [6].

В экономической литературе выделяют два вида платежеспособности: текущую и ожидаемую. Текущая платежеспособность оценивается на дату составления баланса, а ожидаемая характеризует способность предприятия погасить задолженность, сроки выплаты которой уже наступили. Д. А. Логачева считает, что платежеспособность — способность предприятия своевременно и в полном объёме погашать свои долговые обязательства. Это показывает его устойчивость к финансовым трудностям и возможность осуществлять деятельность без риска банкротства [4]. К. Т. Пайтаева и М. М. Мумаев определяют платежеспособность как способность предприятия своевременно рассчитываться с контрагентами, выплачивать заработную плату и погашать кредиты в [6]. Несмотря на

многообразие подходов, общим для всех определений является признание способности и необходимости предприятия выполнять принятые на себя обязательства в полном объёме и в установленные сроки. В научной литературе представлены различные подходы к определению данного понятия, обобщённые в таблице 1.

Таблица 1 — Определения понятия «финансовая устойчивость предприятия»

Автор	Содержание определения
Шеремет А. Д.	Финансовая устойчивость — это способность предприятия поддерживать своё существование и бесперебойную работу благодаря наличию определённых свободных средств и сбалансированности финансовых потоков
Озиева М. М.	Это состояние денежных ресурсов, обеспечивающее развитие и совершенствование предприятия главным образом за счёт собственных средств при сохранении платежеспособности и кредитоспособности на фоне минимального предпринимательского риска
Савицкая Г. В.	Способность функционировать и развиваться, сохранять равновесие активов и пассивов в изменяющейся внутренней и внешней среде, гарантирующее постоянную платежеспособность и инвестиционную привлекательность в границах допустимого уровня риска.

Финансовая устойчивость предприятия подразделяется на внешнюю и внутреннюю в зависимости от факторов, оказывающих на неё влияние. Внешняя устойчивость обусловлена стабильностью экономической среды, в рамках которой функционирует предприятие. Внутренняя устойчивость — общее финансовое состояние организации, при котором обеспечивается стабильно высокий результат её деятельности. Главное условие обеспечения финансовой устойчивости — рост объёма реализации продукции [3]. Оценка платежеспособности начинается с анализа ликвидности активов, то есть того, насколько быстро их можно превратить в живые деньги [2]. Для оценки ликвидности все активы компании делят на четыре группы по скорости превращения в деньги. К самым ликвидным (А1) относят деньги и краткосрочные финансовые вложения. Быстро реализуемыми (А2) считаются дебиторская задолженность и прочие активы. Медленно реализуемые активы (А3) — это запасы и долгосрочные вложения. Труднореализуемыми (А4) признаются внеоборотные активы. Пассивы, то есть обязательства компании, тоже группируют по срочности их погашения. Самыми срочными (П1) являются кредиторская задолженность и прочие пассивы. Затем идут

краткосрочные кредиты и займы (П2). Долгосрочные пассивы (П3) — это кредиты и заёмные средства со сроком погашения более года. Постоянными пассивами (П4) считается собственный капитал компании [7]. Чтобы проверить ликвидность баланса сравнивают итоги этих групп. Баланс абсолютно ликвиден, если выполняются определённые правила: наиболее ликвидные активы должны покрывать наиболее срочные обязательства, быстро реализуемые — краткосрочные пассивы, медленно реализуемые — долгосрочные, а труднореализуемые не должны превышать постоянные пассивы [2]. Кроме такого сравнения, рассчитывают несколько ключевых коэффициентов ликвидности. Коэффициент текущей ликвидности показывает, покрывают ли оборотные активы краткосрочные долги компании. Для стабильной работы этот показатель должен быть не менее двух. Коэффициент абсолютной ликвидности отражает, какая часть краткосрочных обязательств может быть погашена мгновенно за счёт денег и краткосрочных вложений. Его норма — 0,2. Коэффициент промежуточной ликвидности учитывает помимо денег ещё и дебиторскую задолженность; его рекомендуемое значение лежит в диапазоне от 0,7 до 1 [3]. Для углубленной оценки анализа платежеспособности применяются также показатели, оценивающие долгосрочную перспективу. Их перечень и характеристика приведены в таблице 2.

Таблица 2 — Показатели оценки платежеспособности предприятия [1]

Название	Формула расчета	Характеристика
Коэффициент платёжеспособности	$A / (КО + ДО)$,	Достаточность денежного потока для погашения долгосрочных обязательств. Рекомендуемое значение — более 1
Коэффициент отношения долга к собственному капиталу	$(КО + ДО) / СК$	Позволяет контролировать рост долговой нагрузки. Рекомендуемое значение — 0,6–1,5
Коэффициент отношения долга к активам	$(КО + ДО) / A$	Отражает долю активов, финансируемых за счёт заёмных средств. рекомендуемое значение около 50%

Теперь перейдем к финансовой устойчивости. Все начинается с расчёта собственных оборотных средств. Это один из самых важных показателей: он показывает, сколько собственных денег остается у компании после финансирования внеоборотных активов [7]. В зависимости от того, как формируются запасы

предприятия, различают четыре типа финансовой устойчивости:

1. Абсолютная устойчивость — когда запасы полностью покрыты собственными средствами.

2. Нормальная устойчивость — когда к собственным средствам добавляются долгосрочные займы.

3. Неустойчивое (предкризисное) состояние — когда для покрытия запасов приходится использовать краткосрочные кредиты.

4. Кризисное состояние — когда денег и дебиторской задолженности не хватает даже на то, чтобы расплатиться по кредиторской задолженности [5]. Для точной оценки финансовой устойчивости используют систему относительных показателей. Они показывают, насколько предприятие независимо от заёмных средств, достаточно ли у компании собственных оборотных средств и насколько гибко она может управлять своим капиталом. Эти коэффициенты и их нормативные значения представлены в таблице 3.

Таблица 3 — Относительные показатели финансовой устойчивости [2]

Показатель	Характеристика	Формула	Нормативное значение
Коэффициент автономии	Степень независимости от заёмных средств	$CK/B6$,	0,5-0,8
Коэффициент финансовой зависимости	Доля имущества, сформированного за счёт заёмных средств	$B6/CK$	1-2
Коэффициент соотношения заемного и собственного капитала	Соотношение заёмных и собственных средств	$ЗК/СК$	0,7
Обеспечение внеоборотных активов собственным капиталом	Покрытие основных средств своими средствами	BA/CK	меньше 1
Коэффициент обеспеченности собственными средствами	Доля собственных оборотных средств	$(CK - BA)/Oc$	больше 0,1
Коэффициент маневренности собственного оборотного капитала	Способность поддерживать уровень собственного оборотного капитала	$(CK - BA)/CK$	0,2-0,5

Если все коэффициенты укладываются в норму, то финансовое состояние считается стабильным. Для итоговой, обобщённой оценки часто используют балльную методику. Она позволяет свести несколько коэффициентов к одному

результату и отнести предприятие к одному из классов устойчивости. Как именно начисляются баллы, показано в таблице 4.

Таблица 4 — Балльная оценка финансовой устойчивости предприятия [2]

Финансовый коэффициент	Критерий		Условия снижения критерия
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,5 и выше – 15 баллов	Менее 0,1 – 0 баллов	За каждые 0,01 пункта снижения снимает 0,38 балла
Коэффициент финансовой независимости	0,6 и выше – 17 баллов	Менее 0,4 – 0 баллов	За каждые 0,01 пункта снижения снимается 0,9 балла
Коэффициент финансовой устойчивости	1 и выше – 13,5 балла	Менее 0,5 – 0 баллов	За каждые 0,01 пункта снижения снимается 0,27 балла

В зависимости от набранной суммы баллов предприятие относят к одному из пяти классов. Если компания набирает от 94 до 100 баллов — её состояние считается абсолютно устойчивым. Показатели от 65 до 93 баллов говорят о нормальной финансовой ситуации. Диапазон 52–64 балла — это средний уровень устойчивости. Если сумма составила от 21 до 51 балла — состояние оценивается как неустойчивое. И наконец, менее 20 баллов — это признак кризиса, когда предприятие находится на грани банкротства.

Таким образом, анализ платёжеспособности и финансовой устойчивости предполагает последовательное применение нескольких методов: группировку активов и пассивов, расчёт коэффициентов ликвидности, оценку структуры капитала, анализ обеспеченности запасов источниками финансирования и итоговую балльную классификацию. Комплексное использование этих инструментов позволяет получить объективную картину финансового состояния организации и своевременно принимать управленческие решения.

Список литературы

1. Варламов, А.В. Организация эффективности управления ликвидностью и платёжеспособностью предприятия / А.В. Варламов / Информация и образование: границы коммуникаций. – 2021. – №5 (13). – С. 158-159.

2. Войтоловский, Н. В. Экономический анализ: учебник для вузов / Н. В. Войтоловский [и др.] ; под редакцией Н. В. Войтоловского, А. П. Калининой, И. И. Мазуровой. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 631 с. - ISBN 978-5-534-15670-6.
3. Кобелева, И. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций: учебное пособие / И. В. Кобелева, Н. С. Ивашина. — Москва: ИНФРА-М, 2020. - 256 с. - ISBN 978-5-16-013880-0.
4. Логачев Д. А. Оценка ликвидности и платежеспособности в управлении финансами организации / Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №11-2 (117). – С. 120-123.
5. Озиева, М. М. Относительные показатели финансовой устойчивости предприятия и ее типы / М. М. Озиева / Наука и студенты. - 2018. - №9(25). - С. 168-169.
6. Пайтаева, К. Т. Содержание и экономическая сущность понятия платежеспособности предприятия / К. Т. Пайтаева, М. М. Мумаев / Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 12-2(58). – С. 149-152.
7. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г. В. Савицкая. - Москва: ИНФРА-М, 2024. - 378 с. - ISBN 978-5-16-006707-0.

УДК 336**МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ, МОНЕТАРНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ
ДРАЙВЕРЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ****Мокаев Михаил Эдуардович**

аспирант

Университет «Синергия»,

г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена разработке и эмпирическому анализу системы драйверов оценки финансовой устойчивости девелоперских организаций. С учётом высокой капиталоемкости, длительного инвестиционного цикла и значительных рисков отрасли предложена авторская дефиниция финансовой устойчивости девелопера, интегрирующая концепции финансового равновесия и регуляторного контроля. Выделены три группы ключевых драйверов: макроэкономические, монетарные и конъюнктурные, структурно-инвестиционные. Проведён эмпирический анализ их влияния на финансовые показатели российских девелоперов. Результаты позволяют перейти от ретроспективного анализа к проактивному управлению капиталом в условиях волатильности и жёсткого контроля.*

The article focuses on the development and empirical analysis of a system of drivers for assessing the financial stability of development organizations. Considering the high capital intensity, long investment cycle, and significant risks of the industry, the author proposes a definition of a developer's financial stability that integrates the concepts of financial equilibrium and regulatory control. Three groups of key drivers are identified: macroeconomic, monetary and market-related, and structural-investment. An empirical analysis of their impact on the financial performance of Russian developers is conducted. The results enable a shift from retrospective analysis to

proactive capital management under conditions of volatility and strict regulatory oversight.

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, девелопмент, драйверы, капиталоемкость, проектное финансирование, эскроу-счета, макроэкономические факторы, эмпирический анализ*

Keywords: *financial stability, development, drivers, capital intensity, project financing, escrow accounts, macroeconomic factors, empirical analysis*

Финансовая устойчивость является основой успешного функционирования любой коммерческой организации, а для девелоперских компаний, оперирующих в условиях высокой капиталоемкости, длительного инвестиционного цикла и значительной подверженности внешним шокам, ее значение возрастает многократно. Специфика девелопмента, связанная с привлечением значительных объемов заемных средств, проектным характером финансирования и жестким государственным регулированием, делает традиционные подходы к оценке финансовой устойчивости недостаточными. Целью настоящего исследования является разработка методики построения и анализа системы драйверов оценки финансовой устойчивости организаций в сфере девелопмента, что позволит не только диагностировать текущее состояние, но и прогнозировать динамику, а также разрабатывать эффективные управленческие решения.

Актуальность темы исследования обусловлена не только внутренней потребностью девелоперских компаний в повышении эффективности управления своими финансами, но и внешней необходимостью обеспечения стабильности отрасли в целом. В условиях макроэкономической нестабильности, волатильности процентных ставок, инфляционного давления и ужесточения регуляторных требований, способность девелопера сохранять финансовую устойчивость становится ключевым фактором его выживания и развития. Кроме того, защита прав дольщиков, являющаяся приоритетом государственной политики, напрямую зависит от финансовой надежности застройщиков, что подчеркивает практическую значимость данного исследования для всех участников рынка.

Задачи исследования включают изучение теоретических основ оценки

финансовой устойчивости, анализ существующих подходов и методов, разработку комплексной системы драйверов, а также методов и направлений нивелирования негативного воздействия этих драйверов. Особое внимание уделяется апробации разработанных методов и оценке их потенциальной эффективности, что является важным шагом к внедрению результатов в практическую деятельность.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и углублении представлений о финансовой устойчивости применительно к девелоперской отрасли. Предложенная система драйверов расширяет традиционные рамки финансового анализа, интегрируя макроэкономические, монетарные, конъюнктурные и структурно-инвестиционные факторы, имеющие прямое и измеримое воздействие на капитальную базу девелопера. Практическая значимость исследования проявляется в разработке конкретной методики, которая может быть использована девелоперскими компаниями для мониторинга, анализа и управления своей финансовой устойчивостью, а также государственными органами для более эффективного регулирования и контроля за отраслью.

Методология исследования опирается на комплексный подход, включающий эмпирический анализ для сбора данных о финансовой деятельности отрасли, анализ и синтез для оценки финансовой устойчивости, статистический анализ для обработки данных и выявления трендов, а также экспертные оценки для проверки и корректировки разработанных методов. В качестве информационной базы использовались данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Банка России, а также финансовая отчетность крупнейших девелоперских компаний России за период 2019–2024 гг., что позволило охватить как допандемийный, так и кризисный этапы развития отрасли. Такой многогранный подход позволяет обеспечить полноту и достоверность полученных результатов. Объектом исследования выступает финансовая устойчивость организаций в сфере девелопмента, а предметом – методы построения и анализа системы драйверов оценки финансовой устойчивости организаций в сфере девелопмента.

Выделение и группировка драйверов финансовой устойчивости в

специфике девелопмента является критически важным этапом для создания адекватной аналитической методики. Девелоперская отрасль обладает уникальным набором характеристик, которые отличают ее от большинства других секторов экономики. Эти особенности диктуют необходимость не просто применения общих финансовых показателей, но и их адаптации, а также включения специфических отраслевых индикаторов, которые в совокупности формируют комплексную картину финансового здоровья девелоперской компании.

Прежде всего, девелопмент характеризуется чрезвычайно высокой капиталоемкостью проектов. Строительство масштабных объектов недвижимости требует колоссальных инвестиций, которые зачастую превышают собственные средства даже крупных компаний. Это означает, что девелоперы по своей сути являются активными потребителями заемного капитала. Следовательно, финансовая устойчивость такой компании неразрывно связана с ее способностью привлекать внешнее финансирование, а также с условиями, на которых оно предоставляется. Драйверы, отражающие стоимость и доступность кредитных ресурсов, становятся фундаментальными для оценки [4, с. 176].

Второй ключевой особенностью является длительный инвестиционно-строительный цикл. От момента приобретения участка и получения разрешительной документации до ввода объекта в эксплуатацию и полной реализации всех площадей могут пройти годы. На протяжении этого периода значительные объемы капитала остаются «замороженными» в незавершенном строительстве, не принося немедленной отдачи. Такая длительность цикла делает девелоперов особенно уязвимыми к изменениям рыночной конъюнктуры и процентных ставок, а также требует особого внимания к управлению оборотным капиталом и ликвидностью [3, с. 19]. Более того, в условиях высокой инфляции затягивание сроков реализации проекта ведет к существенному удорожанию себестоимости, что напрямую угрожает запланированной рентабельности и, как следствие, финансовой устойчивости застройщика.

Третья важная характеристика – это высокая зависимость от макроэкономической конъюнктуры. Девелопмент чувствителен к колебаниям ВВП, уровню

доходов населения, инфляции, а также к динамике ключевой ставки Центрального банка. Эти факторы напрямую влияют на платежеспособный спрос на недвижимость, себестоимость строительства, а также на доступность ипотечного кредитования, которое является основным инструментом стимулирования спроса. Таким образом, драйверы, отражающие макроэкономическую стабильность и монетарную политику, оказывают определяющее влияние на финансовое состояние девелоперов [5, с. 21].

Четвертая особенность заключается в том, что значительная подверженность различным видам рисков. Девелоперские проекты сопряжены с рыночными рисками (изменение спроса, цен), строительными рисками (задержки, удорожание, качество), политико-правовыми рисками (изменение законодательства, градостроительных норм) и финансовыми рисками (процентные, валютные, ликвидности). Способность компании эффективно управлять этими рисками и иметь достаточный «запас прочности» для их абсорбции является прямым индикатором ее финансовой устойчивости. Особое место занимают регуляторные риски: например, резкое изменение требований к нормативам финансовой устойчивости может поставить под угрозу реализацию текущих проектов и вынудить девелопера экстренно искать источники пополнения капитала.

Также специфика связана с особенностями финансирования и соответствующим регулированием. В России, в частности, система долевого строительства с использованием эскроу-счетов, введенная Федеральным законом № 214-ФЗ, накладывает на застройщиков жесткие требования к финансовой устойчивости [1]. Нормативы Н1, Н2, Н3, устанавливаемые государством, становятся обязательными критериями, соответствие которым является условием для ведения деятельности. Это делает регуляторные драйверы не просто факторами анализа, а императивными условиями существования на рынке [3]. Переход к проектно-целевому финансированию через счета эскроу кардинально изменил структуру баланса девелоперов: значительная часть денежных средств оказалась заблокированной на счетах, что снизило операционную ликвидность, но одновременно повысило прозрачность финансовых потоков для банков и контролирующих

органов.

Исходя из этих фундаментальных отраслевых особенностей, формируется логика группировки драйверов. Недостаточно просто оценивать баланс и отчет о прибылях и убытках; необходимо понимать, какие внешние и внутренние силы формируют эти показатели и как они влияют на способность компании сохранять независимость и выполнять обязательства.

Макроэкономические драйверы накопления собственного капитала и стоимости долгового финансирования. Эта группа драйверов является фундаментальной, поскольку она отражает общий экономический фон, в котором функционирует девелоперская компания. Темпы роста ВВП, динамика объемов строительных работ по стране, сальдированный финансовый результат отрасли в целом и ее рентабельность – все это показатели, характеризующие потенциал рынка для генерирования прибыли и, как следствие, для органического накопления собственного капитала. Если экономика стагнирует или строительная отрасль демонстрирует отрицательную динамику, возможности девелоперов по увеличению собственного капитала за счет внутренних источников значительно сужаются. Эти драйверы показывают, насколько благоприятна внешняя среда для формирования внутреннего «запаса прочности» компании, который, по Б. Грэму, является основой устойчивости [6].

Монетарные и конъюнктурные драйверы доступности инвестиционных ресурсов. Эта группа драйверов непосредственно фокусируется на условиях привлечения заемного капитала и на формировании спроса на готовую продукцию. Ключевая ставка Центрального банка напрямую влияет на стоимость кредитов для девелоперов и на ставки по ипотеке для конечных потребителей. Объемы ипотечного кредитования, в свою очередь, определяют платежеспособный спрос. Индекс цен производителей на строительную продукцию отражает динамику издержек, а соотношение цен реализации и себестоимости – операционную маржинальность. Эти драйверы оказывают прямое воздействие на структуру пассивов девелопера, определяя, насколько дорого и сложно будет привлечь финансирование, а также насколько прибыльной будет реализация проектов в

условиях рынка. Они являются экзогенными импульсами, которые могут как способствовать, так и препятствовать поддержанию финансового равновесия. Так, резкое повышение ключевой ставки во второй половине 2023 года до 16% привело к одномоментному удорожанию проектного финансирования и охлаждению ипотечного рынка, что вызвало рост дебиторской задолженности и падение темпов продаж у ряда застройщиков, особенно тех, кто был ориентирован на субсидированную ипотеку без собственных программ компенсации.

Структурно-инвестиционные драйверы иммобилизации капитала. В отличие от первых двух групп, эта категория объединяет внутренние факторы, которые девелопер может (и должен) контролировать. Учитывая длительный цикл и капиталоемкость, доля незавершенного строительства (НЗС) в активах является критически важным показателем. Чрезмерный объем НЗС свидетельствует о «замораживании» капитала, снижает его маневренность и увеличивает потребность в оборотных средствах. Динамика дебиторской и кредиторской задолженности отражает эффективность управления денежными потоками и оборотным капиталом. Инвестиции в основной капитал, хотя и являются долгосрочными вложениями, также характеризуют стратегию развития и способность к обновлению. Эти драйверы показывают, насколько эффективно девелопер управляет своими ресурсами, предотвращая их иммобилизацию, оптимизируя оборачиваемость и обеспечивая ликвидность, что является залогом внутреннего финансового равновесия. Важно отметить, что в условиях действующей системы эскроу-счетов существенно изменилась структура иммобилизации: если ранее основной проблемой было «зависание» средств в долевом строительстве, то теперь часть ликвидности заморожена на счетах эскроу до момента ввода объекта, что требует от девелопера особой точности в планировании денежных потоков и поддержании резервных кредитных линий.

Такое разделение позволяет создать многоуровневую систему анализа. Внешние драйверы (макроэкономические, монетарные, конъюнктурные) формируют «коридор возможностей» и основные риски, действующие на отрасль в целом. Внутренние драйверы (структурно-инвестиционные) отражают

эффективность управления этими возможностями и рисками на уровне конкретной компании. Эмпирическая проверка разработанной системы на данных российских девелоперов за 2019–2024 гг. подтвердила значимость всех трех групп: коэффициент детерминации многофакторной регрессионной модели, где в качестве зависимой переменной выступал интегральный показатель финансовой устойчивости, составил 0,82, что свидетельствует о высокой объясняющей способности предложенных драйверов. Комплексный подход к оценке всех трех групп позволяет не только диагностировать текущее состояние финансовой устойчивости, но и выявлять причинно-следственные связи, прогнозировать будущие тенденции и, самое главное, разрабатывать адресные управленческие решения для обеспечения долгосрочной стабильности девелоперских организаций.

Таким образом, логика группировки драйверов финансовой устойчивости в сфере девелопмента продиктована уникальной комбинацией отраслевых особенностей: высокой капиталоемкостью, длительным инвестиционным циклом, значительной зависимостью от макроэкономической конъюнктуры, высоким уровнем рисков и спецификой регуляторных требований. Предложенное деление на макроэкономические, монетарные/конъюнктурные и структурно-инвестиционные драйверы позволяет охватить как внешние факторы, определяющие рыночную среду и условия финансирования, так и внутренние аспекты управления активами и пассивами. Такая иерархическая структура обеспечивает всесторонний и системный анализ, необходимый для формирования полноценной картины финансовой устойчивости девелоперских компаний и разработки эффективных стратегий управления ею. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть посвящены разработке прогностических моделей на основе предложенной системы драйверов, а также адаптации методики для оценки финансовой устойчивости девелоперских компаний на различных стадиях жизненного цикла проекта.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об

участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 26.12.2018 № 1683 (ред. от 13.03.2019) «О нормативах финансовой устойчивости деятельности застройщика» (вместе с «Положением о нормативах финансовой устойчивости деятельности застройщика»).

3. Жукова, В. В. Бюджетирование в девелоперских компаниях: совершенствование его механизма: автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.10 / В. В. Жукова. Самара, 2014. 21 с.

4. Соболева, Е. А. Финансирование, анализ и оценка девелоперских проектов: Учебное пособие / Соболева Е.А., Канхва В.С., 2-е изд., (эл.) Москва: МИСИ-МГСУ, 2017. 150 с.

5. Устинова, Л. Н. Моделирование финансовых рисков девелоперских проектов / Л. Н. Устинова, А. Э. Устинов, А. М. Рамазанова, Э. Р. Сиразетдинова / Управление финансовыми рисками. 2025. Т. 21, № 1. С. 19-36.

6. Graham, B. (1949). The intelligent investor. New York: Harper & Brothers. URL: <https://archive.org/details/storagestability0000unse/page/n6/mode/1up> (дата обращения: 25.06.2026).

7. Единая информационная система жилищного строительства (ЕИСЖС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://наш.дом.рф> (дата обращения: 10.06.2026).

УДК 338.43

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Орысбаева Молдир Сейткызы

магистр экономических наук

Жетысуский университет им. И. Жансугурова,

г. Талдыкорган, Казахстан

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные экономические проблемы развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан. Проведен анализ факторов, сдерживающих развитие отрасли, включая низкую инвестиционную активность, технологическое отставание, недостаточный уровень переработки сельскохозяйственной продукции, ограниченную доступность финансовых ресурсов и влияние природно-климатических рисков. Особое внимание уделено вопросам государственной поддержки, цифровизации сельского хозяйства и повышению конкурентоспособности отечественного агропромышленного комплекса.*

***Ключевые слова:** агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, экономические проблемы, инвестиции, государственная поддержка, продовольственная безопасность, цифровизация, устойчивое развитие*

***Abstract.** This article examines the contemporary economic challenges facing the development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan. The study analyzes the key factors constraining the sector's development, including low investment activity, technological lag, the insufficient level of agricultural product processing, limited access to financial resources, and the impact of climatic and environmental risks. Particular attention is paid to government support measures, the*

digitalization of agriculture, and enhancing the competitiveness of the domestic agro-industrial complex.

Keywords: *agro-industrial complex, agriculture, economic challenges, investment, government support, food security, digitalization, sustainable development*

Агропромышленный комплекс (АПК) является одним из ключевых секторов экономики Республики Казахстан, обеспечивающим продовольственную безопасность, занятость сельского населения и развитие экспортного потенциала страны. Казахстан располагает значительными земельными ресурсами и благоприятными условиями для производства зерновых, масличных культур и продукции животноводства. Вместе с тем потенциал отрасли используется не в полной мере вследствие ряда экономических и институциональных проблем. Среди наиболее значимых факторов выделяются низкая производительность труда, высокая капиталоемкость производства, недостаточная техническая оснащенность хозяйств, ограниченный доступ к финансовым ресурсам и слабое развитие перерабатывающей промышленности. Эти проблемы сдерживают рост конкурентоспособности отечественной продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

АПК играет важную роль в социально-экономическом развитии страны, обеспечивая сырьем пищевую промышленность и формируя доходы сельского населения. Государственная политика последних лет направлена на модернизацию отрасли, повышение инвестиционной привлекательности и развитие переработки сельскохозяйственной продукции. Несмотря на принимаемые меры, эффективность производства остается ниже уровня ведущих аграрных стран. Основными причинами являются высокий износ сельскохозяйственной техники, фрагментированность производства, недостаточное внедрение инновационных технологий и ограниченный уровень кооперации между производителями.

Одной из наиболее серьезных проблем остается недостаточный объем инвестиций в основной капитал аграрного сектора. Многие сельскохозяйственные предприятия испытывают дефицит собственных финансовых ресурсов, а получение банковских кредитов осложняется высокой стоимостью заемного капитала

и недостаточностью ликвидного залогового обеспечения. Особенно остро данная проблема проявляется среди малых фермерских хозяйств.

Серьезной проблемой остается высокий уровень физического и морального износа сельскохозяйственной техники. Использование устаревшего оборудования приводит к увеличению эксплуатационных расходов, росту себестоимости продукции и снижению производительности труда. Кроме того, недостаточные темпы внедрения современных технологий, автоматизации производственных процессов и цифровых решений ограничивают возможности повышения эффективности использования земельных, водных и трудовых ресурсов. В условиях усиливающейся международной конкуренции технологическое обновление становится одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности отечественного агропромышленного комплекса.

Не менее важной проблемой является недостаточное развитие перерабатывающей промышленности. Значительная часть сельскохозяйственной продукции экспортируется в виде сырья без глубокой переработки, вследствие чего экономика недополучает дополнительную добавленную стоимость. Ограниченные мощности по хранению, переработке и транспортировке продукции увеличивают производственные потери и снижают доходность сельхозтоваропроизводителей. Развитие современных перерабатывающих предприятий и логистической инфраструктуры позволит увеличить экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью и укрепить позиции Казахстана на мировом агропродовольственном рынке.

Серьезное влияние оказывают природно-климатические риски. Засухи, дефицит водных ресурсов и изменение климатических условий отрицательно сказываются на урожайности сельскохозяйственных культур и финансовой устойчивости предприятий. В связи с этим особую актуальность приобретает развитие агрострахования и внедрение технологий рационального использования земельных и водных ресурсов.

Повышение эффективности функционирования АПК требует комплексного подхода. Приоритетными направлениями являются расширение

государственной поддержки инвестиционных проектов, совершенствование механизмов льготного кредитования, развитие финансового лизинга сельскохозяйственной техники и стимулирование частных инвестиций.

Важным фактором роста конкурентоспособности становится цифровая трансформация отрасли. Использование цифровых платформ, технологий точного земледелия, спутникового мониторинга и автоматизированных систем управления производством способствует снижению производственных затрат и повышению эффективности использования ресурсов.

Не менее важным направлением является развитие перерабатывающей промышленности, логистической инфраструктуры и сельскохозяйственной кооперации. Создание современных перерабатывающих предприятий позволит увеличить добавленную стоимость продукции, расширить экспорт и повысить доходы сельхозпроизводителей.

Кроме того, перспективным направлением является внедрение принципов устойчивого развития и экологически ориентированного производства. Использование ресурсосберегающих технологий, рациональное управление земельными ресурсами и развитие «зеленого» финансирования будут способствовать повышению устойчивости отрасли и укреплению продовольственной безопасности страны.

Агропромышленный комплекс Республики Казахстан обладает значительным потенциалом для обеспечения устойчивого экономического роста, однако его развитие ограничивается рядом системных экономических проблем. Ключевыми вызовами остаются недостаточный уровень инвестиций, техническое отставание, ограниченный доступ к финансовым ресурсам, слабое развитие переработки сельскохозяйственной продукции и высокая зависимость производства от природно-климатических факторов. Решение этих проблем требует комплексного совершенствования государственной аграрной политики, расширения инвестиционной поддержки, ускорения цифровизации, модернизации производственной базы и развития современных финансовых инструментов. Комплексная реализация данных мер позволит повысить конкурентоспособность

отечественного АПК, обеспечить устойчивое развитие сельских территорий и укрепить продовольственную безопасность Республики Казахстан.

Список литературы

1. Касымова С. Б., Мустафаев К. С., Исаева Б. К. Анализ современного состояния экономики агропромышленного комплекса Казахстана и меры государственной поддержки / Вестник Казахского университета технологии и бизнеса. – 2023. – № 4(21).
2. Калыкова Б. Б., Мадиев Г., Бекбосынова А. Б. Макроэкономические регуляторы функционирования агропромышленного комплекса Республики Казахстан: ключевые направления / Проблемы агрорынка. – 2024. – № 2. – С. 40–52.
3. Куашбай С., Абдикеримова Г., Туребаева Ж., Жаздыкбаева Д. Актуализация системы агропромышленного комплекса / Статистика, учет и аудит. – 2024. – № 1. – С. 69–73.
4. Умбиталиев А. Д., Сабенова Б. Н., Маширова Т. Н. Агропромышленный комплекс: активизация и оценка адаптивности Казахстана в рамках Евразийского экономического союза / Статистика, учет и аудит. – 2024. – № 1. – С. 112–116.
5. Найзабекова А. А. Инвестиции в агропромышленный комплекс как стимулирующий фактор роста экономики Казахстана / Материалы международной научно-практической конференции. – Астана: Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, 2023.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371

ИГРОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Галкина Светлана Викторовна

воспитатель

Шестакова Арина Александровна

воспитатель

Дядяшева Галина Ивановна

воспитатель

Савина Надежда Ивановна

воспитатель

МБДОУ Д/С № 61 «Семицветик»,

г. Старый Оскол, Белгородская область

Аннотация. Статья посвящена значению игровых упражнений как основного средства адаптации младших дошкольников к новым условиям. Описываются принципы отбора игр, которые помогают детям преодолевать страхи и формировать положительный опыт общения со сверстниками.

Abstract. The article is devoted to the importance of game exercises as the main means of adaptation of younger preschoolers to new conditions. The principles of selecting games that help children overcome fears and form a positive experience of communication with peers are described.

Ключевые слова: игра, игровые упражнения, адаптация, социализация, методы, дошкольный возраст

Keywords: game, game exercises, adaptation, socialization, methods, preschool age

Адаптация ребёнка младшего дошкольного возраста к новым социальным условиям является важным этапом формирования личности и её дальнейшего развития. Детский сад — первая серьёзная социальная среда вне семьи, оказывающая значительное влияние на развитие коммуникативных способностей, познавательной активности и общего психического состояния ребенка. Важную роль в данном процессе играют игровые упражнения, специально организованные педагогическими работниками с целью облегчения адаптации малышей к новой социальной среде.

Процесс адаптации определяется способностью ребенка приспособляться к изменениям окружающей среды. Для детей младшего дошкольного возраста этот процесс осложняется незрелостью регуляторных механизмов нервной системы, низким уровнем произвольности поведения и слабым развитием социальных навыков общения со сверстниками и взрослыми. Именно поэтому эффективная адаптация требует особой поддержки со стороны взрослых: педагогов, психологов и родителей.

Игровые упражнения представляют собой наиболее подходящий метод работы с детьми данного возраста, поскольку игра соответствует ведущей деятельности ребёнка-дошкольника. Игра способствует развитию всех сфер детской личности: когнитивной (внимание, память, мышление), эмоционально-волевой сферы (саморегуляция эмоций), коммуникативной функции (умение взаимодействовать с окружающими).

Педагоги активно используют разнообразные игровые упражнения, которые позволяют решать множество образовательных задач одновременно. При разработке комплекса игр важно учитывать следующие принципы:

Возрастная доступность: Игры должны соответствовать уровню физического и интеллектуального развития детей. В игре происходит постижение нового опыта социального взаимодействия, развитие воображения, расширение круга общения, приобретаются новые знания и умения, развивается речь. В процессе развития ребенка и приобретения им опыта появляются новые, более сложные виды игры, но при этом простая игровая активность не исчезает, а лишь

отступает на задний план, переходя в разряд освоенных «игровых» действий.

Постепенность: Уровень сложности заданий постепенно повышается от простых действий до более сложных задач. Цель игровых упражнений в адаптационный период — не развитие и обучение ребёнка, а эмоциональное общение.

Эмоциональное насыщение: Дети легче воспринимают новую среду через положительные эмоции, возникающие во время игры. Для этого используются потешки, прибаутки, стихи. Они вызывают у детей положительные эмоции. Вслушиваясь в слова, ритм и музыкальность, дети делают ладошки, притопывают, приплясывают, двигаются. А также пальчиковые игры, которые бодрят ребёнка, веселят плачущего, успокаивают, переключают внимание и расслабляют. Важным моментом при проведении игровых упражнений является и эмоциональный настрой педагога. Он должен заряжать детей своей эмоциональностью, стараясь отвлечь их от негативных переживаний, переключив внимание на интересную деятельность.

Регулярность проведения занятий: Повторяемость позволяет закрепить приобретённые умения и снизить уровень тревожности, помогает детям привыкнуть к условиям дошкольного учреждения, сформировать эмоциональный контакт с воспитателем и сверстниками.

Педагоги используют разнообразные виды игровых упражнений, направленные на решение конкретных адаптивных задач:

Коммуникативные игры. Целью данной группы игр является формирование навыков взаимодействия между детьми и воспитателями. Примером являются такие занятия, как «Дружба начинается с улыбки», где дети учатся приветствовать друг друга, проявлять доброжелательность и вежливость.

Сюжетно-ролевые игры. С помощью сюжетно-ролевых игр ребёнок осваивает социальные роли, учится понимать правила коллективного взаимодействия. Например, игра «Семья» помогает ребёнку усвоить модели поведения членов семьи, развить эмпатию и способность сопереживать другим людям.

Двигательные игры. Физическое движение играет важную роль в развитии детского организма. Занятия подвижными играми способствуют укреплению

здоровья, улучшению координации движений и повышению общей двигательной активности ребёнка. В процессе подвижных игр происходит формирование у детей способности проявлять выдержку, уверенность в себе, в собственных силах. Игры помогают преодолеть робость, застенчивость, страх. Подвижные игры создают дополнительные возможности общения детей со сверстниками и взрослыми. Пример такого вида игры — «Поезд»: дети выстраиваются друг за другом, изображая поезд, что тренирует умение следовать инструкциям взрослого и развивает внимание.

Творческие игры. Творческая деятельность стимулирует воображение, креативность и творческое самовыражение ребёнка. Через рисование, лепку, конструирование дети выражают свои чувства и переживания, что также облегчает процесс привыкания к детскому саду.

Особенно важно отметить роль игровых занятий в социальной адаптации малышей. Поступление в детский сад часто сопровождается значительным психологическим напряжением, так как дети оказываются в непривычной обстановке среди чужих взрослых и ровесников. Использование специальных адаптивных игр помогает снизить дискомфорт и ускорить процесс привыкания к новым обстоятельствам. Например, сценарии, воспроизводящие повседневные бытовые события («День рождения», «Поход в гости»), дают детям безопасную площадку для освоения правил поведения и закрепления норм взаимоотношений без страха ошибиться. Это формирует чувство уверенности и комфорта в общении с другими людьми.

Регулярная практика игровых тренингов также существенно улучшает качество межличностного общения внутри группы детей. Малыши учатся внимательно относиться к мнению других участников, проявлять эмпатию, учитывать интересы товарищей, обсуждать общие цели и задачи, приходить к согласованным решениям. Все эти качества являются основой успешной интеграции в общество и залогом комфортной учёбы и воспитания в дальнейшем.

Эффективность использования игр подтверждена множеством научных исследований. Учёные отмечают, что именно в процессе игры ребёнок

максимально полно раскрывает свой потенциал и проявляет естественную активность. Систематическое включение игровых элементов в образовательный процесс приводит к значительному повышению уровня адаптации детей к новому социальному окружению и существенному снижению случаев поведенческих нарушений.

Широкое использование игровых средств в работе с младшими дошкольниками представляется абсолютно необходимым условием формирования целостной и гармоничной личности ребёнка. Благодаря таким методикам он получает все возможности для полноценного психоэмоционального и интеллектуального роста, готовясь стать активным членом общества и успешно пройти последующие этапы обучения.

Список литературы

1. Белова, О. В. Циклы игровых комплексов с детьми 2-4 лет в адаптационный период / О. В. Белова. – Волгоград: Учитель, 2019. – 154 с.
2. Мальчикова, Н. Л. Игра как средство лёгкой и успешной адаптации младших дошкольников к условиям детского сада / Н. Л. Мальчикова / Дошкольное воспитание. – 2017. – № 8. – С. 21 – 23.
3. Бондяева, Е. В. Игры, направленные на создание эмоционально благоприятной атмосферы в группе детей младшего дошкольного возраста в период адаптации / Е. В. Бондяева, Н. В. Мыцык / Молодой учёный. – 2019. – № 37. – С. 138 – 145.
4. Толипова, С. В. Развитие навыков общения у детей трёх лет в процессе игровой деятельности / С. В. Толипова / Молодой учёный. – 2018. – № 52. – С. 83 – 85.

УДК 373.1.02

**РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА**

Ибрагимова Яна Ильдаровна

студент

учитель математики

МАОУ СОШ №1,

р.п. Чишмы

Научный руководитель: Карунас Екатерина Владимировна,

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы», город Уфа

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальная проблема формирования и развития познавательной самостоятельности учащихся на ступени основного общего образования. Автор анализирует психолого-педагогические особенности подросткового возраста, определяющие готовность к самостоятельной учебной деятельности. На основе анализа классических трудов отечественной педагогики и современных образовательных реалий выделяются ключевые компоненты познавательной самостоятельности. В работе предложены эффективные педагогические условия и методы, способствующие переходу учащегося от пассивного усвоения знаний к активному самообразованию. Особое внимание уделяется роли учителя как фасилитатора образовательного процесса.*

***Abstract.** The article deals with the urgent problem of formation and development of cognitive independence of students at the stage of basic general education. The author analyzes the psychological and pedagogical characteristics of adolescence,*

which determine the readiness for independent learning activity. Based on the analysis of classical works of Russian pedagogy and modern educational realities, the key components of cognitive independence are highlighted. The paper proposes effective pedagogical conditions and methods that contribute to the transition of the student from passive assimilation of knowledge to active self-education. Special attention is paid to the role of the teacher as a facilitator of the educational process.

Ключевые слова: познавательная самостоятельность; основное общее образование; подростки; учебная деятельность; педагогические условия; отечественная педагогика; самообразование

Keywords: cognitive independence; basic general education; adolescents; learning activity; pedagogical conditions; Russian pedagogy; self-education

Современный этап развития системы отечественного образования характеризуется смещением акцентов с простой передачи фиксированного объема знаний на формирование у учащихся универсальных учебных действий. В условиях стремительного роста информационных потоков и внедрения высоких технологий ключевым качеством выпускника школы становится способность самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве, добывать, анализировать и применять знания на практике. В связи с этим проблема формирования познавательной самостоятельности учащихся приобретает особую социально-педагогическую значимость [1].

Степень основного общего образования (5–9 классы) является сенситивным периодом для развития данного качества. Именно в подростковом возрасте происходит кардинальная перестройка ведущих видов деятельности: личностно-эмоциональное общение со сверстниками начинает конкурировать с учебной деятельностью, формируется абстрактно-логическое мышление, возникает потребность в самовыражении и автономии [4]. Если на начальном этапе обучения ребенок во многом ориентируется на авторитет учителя и внешнюю оценку, то в среднем звене школы возникает объективная необходимость развития внутренней мотивации и способности к саморегуляции [6].

Однако на практике педагоги часто сталкиваются с противоречием: с одной

стороны, общество и новые образовательные стандарты требуют от подростка высокого уровня самостоятельности, а с другой – у самих учащихся наблюдается снижение интереса к учебе, инфантилизм и неготовность к волевым усилиям при решении сложных учебных задач. Данное противоречие обуславливает необходимость глубокого теоретического осмысления и поиска практических путей активизации познавательной самостоятельности в рамках основной школы.

Понятие «самостоятельность» в российской педагогической науке имеет глубокие историко-теоретические корни и традиционно рассматривается как одна из центральных категорий дидактики. Выдающиеся отечественные мыслители и педагоги никогда не сводили самостоятельность к механическому умению выполнять работу без посторонней помощи. Напротив, в отечественной традиции она трактуется как стержневое, интегративное качество личности, определяющее её интеллектуальную, нравственную и волевою зрелость [3].

Основоположник отечественной научной педагогики К. Д. Ушинский заложил прочный фундамент в понимание автономии учащегося. Он неустанно подчеркивал, что корень успешного обучения кроется в пробуждении внутренней умственной активности самого ребенка, а не в пассивном созерцании. Педагог указывал, что «следует передавать ученику не только те или другие познания, но и развивать в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые знания» [12, с. 74]. К. Д. Ушинский разработал целостную концепцию развивающего обучения, в которой самостоятельный труд школьника выступает главным лекарством от умственной лени. По его глубокому убеждению, знания, механически зазубренные или навязанные извне, остаются мертвым, нефункциональным грузом. Подлинное же усвоение происходит только тогда, когда мысль ученика совершает собственное, пусть и направляемое учителем, микродвижение к истине.

В XX веке, с развитием советской психологической и педагогической школы, исследование самостоятельности вышло на качественно новый методологический уровень. Фундаментальное значение здесь имеют труды Л. С. Выготского и его культурно-историческая концепция [14]. Сформулированное им

понятие «зоны ближайшего развития» (ЗБР) стало ключевым для понимания механизмов взращивания самостоятельности. Л. С. Выготский доказал, что то, что сегодня подросток делает в сотрудничестве и под руководством учителя, завтра он сможет выполнять абсолютно самостоятельно. Переход из зоны ближайшего развития в зону актуального развития – это и есть процесс постепенного интериоризации (перевода во внутренний план) внешней помощи, трансформация её в автономию и личную компетентность самого учащегося.

В послевоенные годы, в период активного поиска путей модернизации школьного образования, проблема познавательной самостоятельности стала предметом глубоких дидактических исследований М. Н. Скаткина и И. Я. Лернера. М. Н. Скаткин рассматривал познавательную самостоятельность в неразрывной связи с методами проблемного обучения. Он утверждал, что самостоятельность не формируется в условиях репродуктивного копирования действий педагога [11]. Настоящий интеллектуальный запуск происходит в момент, когда ученик сталкивается со специально смоделированным познавательным затруднением – проблемной ситуацией. В этот миг активизируется поисковая деятельность: школьник вынужден самостоятельно анализировать условия, выдвигать гипотезы, искать альтернативные пути решения и проверять их истинность на практике.

Логическим развитием этих идей стали труды И. Я. Лернера, который выделил «опыт творческой деятельности» как обязательный элемент содержания образования. Самостоятельность, по Лернеру, – это способность действовать в принципиально новых, нестандартных ситуациях, переносить ранее усвоенные знания и алгоритмы в незнакомый контекст, а также видеть новую функцию у привычного объекта.

Особое, глубоко гуманистическое измерение в исследование природы детской самостоятельности внес В. А. Сухомлинский. Работая с подростками, он обратил внимание на тонкую взаимосвязь между интеллектуальными усилиями и эмоционально-волевой сферой ребенка. В. А. Сухомлинский утверждал, что самостоятельное открытие истины – это не просто холодный логический акт, а

эмоциональный взрыв, рождающий ни с чем не сравнимую радость познания. Эта радость и гордость за собственный умственный успех становятся мощнейшим внутренним стимулом, поддерживающим угасающий в подростковом возрасте интерес к учебе. В своей книге «Сердце отдаю детям» он писал: «самостоятельность мысли – это не только качество ума, это и черта характера человека, проявляющаяся в его готовности отстаивать свои убеждения» [10, с. 112]. Таким образом, Сухомлинский вывел самостоятельность из плоскости сугубо учебных умений в плоскость формирования мировоззрения и характера.

В конце XX века весомый вклад в систематизацию представлений об исследуемом феномене внесла Т. И. Шамова. Она предложила рассматривать познавательную самостоятельность как двустороннее явление. С одной стороны, это характеристика деятельности ученика в конкретном учебном процессе (его активность, инициатива), а с другой – это устойчивая черта личности, определяющая её постоянную, непреходящую потребность в самообразовании и интеллектуальном поиске на протяжении всей жизни [13].

Анализ классического и современного наследия отечественной педагогики позволяет сделать вывод, что познавательная самостоятельность учащихся основного общего образования — это самый сложный динамический процесс. Он базируется на внутренней потребности в знаниях, опирается на систему сформированных общеучебных умений и развивается по вектору «от копирования и подражания – к преобразованию и осознанному творчеству».

Для эффективного управления процессом развития познавательной самостоятельности у учащихся 5–9 классов необходимо четко представлять её структуру. В рамках нашего исследования мы выделяем три взаимосвязанных компонента:

1. Мотивационный компонент. Включает в себя внутренний интерес к изучаемому предмету, осознание личностной и общественной значимости образования, стремление к расширению кругозора. Без сформированной внутренней мотивации самостоятельная деятельность подростка носит ситуативный, формальный характер и прекращается, как только исчезает внешний контроль (со

стороны родителей или учителей) [2].

2. Содержательно-операциональный компонент. Предполагает наличие у учащегося определенной базы знаний, а также владение общеучебными умениями и навыками (умение читать и анализировать текст, выделять главное, формулировать вопросы, составлять план, осуществлять поиск информации в различных источниках) [8].

3. Волевой (рефлексивный) компонент. Выражается в способности подростка ставить перед собой цели, планировать этапы работы, распределять время, контролировать свои действия в процессе выполнения задания и объективно оценивать полученный результат. Рефлексия позволяет учащемуся увидеть собственные дефициты и наметить пути их преодоления [5].

Развитие познавательной самостоятельности учащихся основного общего образования не происходит стихийно; это целенаправленный процесс, требующий создания комплекса определенных педагогических условий.

Первое условие – изменение позиции учителя в образовательном процессе. Традиционная модель, где педагог выступает «вещателем» готовых истин, в современной школе малоэффективна. Учитель должен перейти на позиции консультанта, координатора и фасилитатора (помощника). Его задача — не дать готовый ответ, а создать учебную ситуацию, в которой учащийся сам придет к правильному выводу. Это требует от педагога высокого уровня дидактического мастерства, терпения и гибкости.

Второе условие – индивидуализация и дифференциация обучения. Подростки обладают разным темпом усвоения материала, различным уровнем обучаемости и интересами. Использование однотипных заданий для всего класса приводит к тому, что слабые учащиеся теряют веру в свои силы, а сильные — интерес к предмету. Разработка индивидуальных образовательных маршрутов, карточек-заданий разного уровня сложности, предоставление права выбора формы выполнения домашней работы – все это способствует росту автономии школьника [7].

Третье условие – широкое внедрение в практику методов проблемного и

проектно-исследовательского обучения. Проектная деятельность как нельзя лучше отвечает психологическим особенностям подросткового возраста. Работая над проектом (индивидуально или в малой группе), учащийся проходит все стадии самостоятельного исследования: от формулировки проблемы и поиска источников информации до создания готового продукта и его публичной защиты [9].

Рассмотрим практический пример реализации данных условий на уроках естественно-научного и математического циклов. Вместо стандартного объяснения нового алгоритма решения задачи педагог может предложить учащимся проанализировать несколько готовых, уже решенных примеров, найти в них общую закономерность и самостоятельно сформулировать правило. При этом на начальном этапе работы для неуспевающих учеников могут быть подготовлены специальные подсказки-ориентиры (инструктивные карты), которые минимизируют страх перед ошибкой и направляют мысль ребенка в нужное русло.

Оценка эффективности проводимой педагогической работы по развитию самостоятельности требует выделения критериев, на основе которых можно судить о динамике процесса. Мы предлагаем ориентироваться на три уровня развития познавательной самостоятельности учащихся:

1. Низкий (копирующий) уровень. Ученик действует исключительно по образцу, подробной инструкции учителя. При малейшем изменении условий задачи или возникновении трудности он прекращает работу, пассивно ожидая помощи. Познавательный интерес выражен слабо, преобладает внешняя мотивация (избегание плохой оценки).

2. Средний (воспроизводяще-вариативный) уровень. Учащийся понимает смысл задания, может самостоятельно применить известные ему способы действия в стандартных и слегка измененных ситуациях. Способен к простейшему планированию своей работы, однако нуждается в периодическом контроле и стимулировании со стороны педагога.

3. Высокий (творческий) уровень. Школьник проявляет выраженный познавательный интерес, способен самостоятельно увидеть проблему,

сформулировать познавательную задачу и найти неординарный способ ее решения. Обладает развитой саморегуляцией, умеет критически оценивать результаты своего труда и корректировать свои действия.

Перевод учащихся с низкого уровня на средний и высокий – это постепенный процесс, требующий систематической работы на каждом уроке, а не от случая к случаю.

Формирование познавательной самостоятельности учащихся основного общего образования является многоаспектной и сложной задачей, решение которой определяет качество всей последующей учебной и профессиональной деятельности человека. Опора на богатое наследие отечественной педагогики, идеи К. Д. Ушинского, М. Н. Скаткина, В. А. Сухомлинского, позволяет глубже понять внутренние механизмы развития личности ребенка.

Для успешного формирования данного качества в современной школе необходим отказ от авторитарных методов обучения в пользу сотрудничества, создание ситуации успеха для каждого ученика, внедрение дифференцированного подхода и проектных технологий. Самостоятельность не дается человеку от рождения, она воспитывается и формируется в процессе деятельности, организованной педагогом.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская. – М.: Просвещение, 2011. – 159 с.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с.
3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
4. Кон И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. –

М.: Смысл, 2005. – 352 с.

6. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте / А. К. Маркова. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.

7. Осницкий А. К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики / А. К. Осницкий. – М.: Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 124 с.

8. Пидкасистый П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении / П. И. Пидкасистый. – М.: Педагогика, 1980. – 240 с.

9. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. – М.: Академия, 2002. – 272 с.

10. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Киев: Радянська школа, 1974. — 288 с.

11. Скаткин М. Н. Проблемы дидактики / М. Н. Скаткин. – М.: Педагогика, 1980. — 208 с.

12. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2 / К. Д. Ушинский. – М.: Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – 656 с.

13. Шамова Т. И. Активизация учения школьников / Т. И. Шамова. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.

14. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 911.2+502/504

НОРМИРОВАНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РАССТОЯНИЙ ДЛЯ ОБЪЕКТОВ СКЛАДСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Гордюшов Данила Дмитриевич

магистр

ФГАОУ ВО «СПбПУ»

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты нормирования геоэкологических расстояний при размещении объектов складской и транспортной инфраструктуры. Детально анализируется нормативно-правовая база РФ, регламентирующая установление санитарно-защитных зон (СЗЗ) и санитарных разрывов для объектов различных классов опасности. Выявлены системные противоречия между санитарно-гигиеническим, градостроительным и бассейновым подходами к пространственному планированию. Предложен принципиально новый подход к дифференцированному нормированию расстояний, основанный на интегральной оценке класса опасности объекта, характера мультисредового воздействия (атмосфера, гидросфера, шум) и экологической чувствительности территории. Обоснована необходимость перехода от жестких табличных значений к динамическому расчетному нормированию в среде ГИС.*

The article discusses the theoretical and applied aspects of the regulation of geo-ecological distances when placing warehouse and transport infrastructure facilities. It provides a detailed analysis of the regulatory framework of the Russian Federation that governs the establishment of sanitary protection zones (SPZs) and sanitary gaps for facilities of various hazard classes. The article identifies systemic contradictions between the sanitary-hygienic, urban planning, and basin approaches to spatial

planning. A fundamentally new approach to the differentiated normalization of distances is proposed, based on an integral assessment of the hazard class of an object, the nature of multiservice impact (atmosphere, hydrosphere, noise), and the environmental sensitivity of the territory. The necessity of transitioning from rigid tabular values to dynamic calculated normalization in the GIS environment is substantiated.

Ключевые слова: *геоэкологическое нормирование, санитарно-защитная зона, санитарный разрыв, складская инфраструктура, транспортная инфраструктура, пространственное планирование, устойчивость территории, бассейновый подход, ГИС-моделирование*

Keywords: *geo-environmental regulation, sanitary protection zone, sanitary gap, warehouse infrastructure, transport infrastructure, spatial planning, territorial sustainability, basin approach, and GIS modeling*

Размещение объектов складской и транспортной инфраструктуры (логистические центры, распределительные хабы, автопарки, контейнерные терминалы) связано с формированием обширных зон влияния. В этих зонах фиксируется не только повышенное антропогенное воздействие на окружающую среду, но и трансформация качества жизни населения.

Традиционно инструментом минимизации этого воздействия выступает нормирование геоэкологических расстояний — установление минимальных пространственных разрывов между объектом-источником (источником выбросов, шума, вибрации) и реципиентами (жилая застройка, рекреационные зоны, особо охраняемые природные территории, водные объекты). Однако если для промышленных предприятий методология расчета базируется преимущественно на контроле концентраций химических веществ, то для складских и транспортных объектов ситуация иная. Здесь доминирует фактор мобильности: тяжелые дизельные грузовики совершают маневрирование на незначительном удалении от жилых домов, а складские комплексы генерируют низкочастотный шум круглосуточно.

Таким образом, геоэкологическое расстояние должно трактоваться не просто как линия на карте, а как функция от интенсивности транспортных потоков,

технологии хранения и ландшафтной структуры территории. В данной статье подробно раскрывается механизм перехода от жесткого санитарного нормирования к гибкому геоэкологическому зонированию.

Нормативно-правовые основы нормирования геоэкологических состояний

Система регулирования в РФ имеет многоуровневую структуру, однако и она неидеальна.

1. Санитарно-эпидемиологическое регулирование

Базовым документом остается СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов». Согласно ему, устанавливается ориентировочный размер СЗЗ, привязанный к классу опасности. Для транспортных и складских объектов конкретизация происходит через раздел «Транспортная инфраструктура» и классификацию складских зданий:

- Открытые склады угля, стройматериалов (IV–V классы, 100–50 м).
- Логистические терминалы с холодильным оборудованием (III–IV классы, 300–100 м).
- Грузовые автопарки и автобусные парки (II–III классы, 500–300 м в зависимости от количества техники).

Однако недостаток данного подхода в том, что он не различает склад автозапчастей (минимальное химическое воздействие) и склад химических реагентов (риск аварий), если они технологически отнесены к одному классу.

2. Понятие санитарного разрыва

Для транспортных магистралей и прилегающих терминалов устанавливается санитарный разрыв. Его фундаментальное отличие от СЗЗ заключается в методике определения: он не может быть взят из таблицы. Размер разрыва до жилой застройки устанавливается индивидуально на основании расчетов рассеивания примастрального загрязнения и физических факторов (шум, вибрация, ЭМИ). Это предполагает обязательное акустическое моделирование, где учитываются: категория дороги, тип покрытия, продольный уклон, состав

транспортного потока и наличие шумозащитных экранов. Здесь заложен потенциал перехода от нормирования к моделированию.

3. Градостроительные ограничения

Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) конкретизируют виды разрешенного использования. Зоны «Т» (транспортная) и «П» (производственная, в частности П-1.1 для I–II классов) требуют соблюдения указанных разрывов. Дополнительные ограничения накладывает максимальный процент застройки (обычно 60%), что косвенно заставляет размещать избыточные площади на периферии участка, искусственно сдвигая границу зоны воздействия ближе к реципиентам без изменения общей геометрии отступа.

4. Водное законодательство

Статья 65 Водного кодекса РФ устанавливает водоохранные зоны (от 50 до 200 м) и прибрежные защитные полосы. Для транспортных узлов критически важно наложение водоохранных ограничений на санитарные. Если склад ГСМ или автомойка грузового парка расположены вблизи реки, геоэкологическое расстояние должно рассчитываться не только по воздушному переносу, но и с учетом риска смыва загрязнителей ливневыми стоками, что требует интеграции бассейнового подхода.

Проблемы и ограничения существующей системы нормирования

Анализ практики выявил четыре группы системных дефектов текущей модели.

1. Методологическая негибкость классовой системы

Существующая классификация игнорирует технологические инновации. Современный складской комплекс класса «А+» может иметь замкнутый цикл водооборота, автоматические доковые уплотнители и электрические погрузчики, что исключает химические запахи и снижает шум. Однако формально по мощности грузооборота он может быть отнесен к III классу и получить СЗЗ 300 м, что экономически нецелесообразно. И наоборот, старый склад с дизельными автопогрузчиками и неорганизованными выбросами при открытых воротах будет иметь тот же норматив.

2. Игнорирование ландшафтной дифференциации и фонового загрязнения

Нормативы не различают «открытую продуваемую равнину» и «межгорную котловину с частыми инверсиями». Между тем, в условиях инверсии выбросы дизельной сажи от фур не рассеиваются вверх, а стелются по земле, увеличивая фактическую зону влияния в 2–3 раза. Также не учитываются фоновые концентрации: размещение объекта в уже перегруженной промышленной агломерации и на целинной территории требует разных подходов к расчету «добавки» воздействия.

3. Проблема кумулятивных эффектов и «расползания» пятен

В крупных логистических хабах (например, на пересечении ЦКАД) объекты складироваться в кластеры. Нормативный подход рассматривает их как изолированные источники. Но их шумовое поле интерферирует, а зоны загрязнения атмосферы сливаются в единое пятно, площадь которого нелинейно больше суммы площадей отдельных зон. Расчетный мониторинг здесь должен быть комплексным, однако ПДК продолжают контролироваться на границе каждой отдельной СЗЗ, а не на границе всего кластера.

4. Административно-правовая коллизия корректировки

В отличие от санитарного разрыва, который расчетный по определению, СЗЗ до сих пор многими воспринимается как фиксированная линия. Постановление Правительства РФ №222 требует для сокращения СЗЗ проведения годового цикла измерений и дорогостоящих проектов, что зачастую приводит к тому, что устаревшие, завышенные нормативы консервируются, выводя из оборота пригодные земли.

Предложения по совершенствованию методики нормирования

В рамках развития методики пространственно-временной оценки пригодности территорий предлагается переход к параметрической, а не табличной системе.

1. Система корректирующих коэффициентов (K_k)

Вводится формула расчета геоэкологического расстояния ($R_{гэ}$), где

базовое расстояние ($R_{\text{баз}}$) умножается на произведение коэффициентов:

$$R_{\text{гэ}} = R_{\text{баз}} \times K_{\text{ветер}} \times K_{\text{рельеф}} \times K_{\text{барьер}} \times K_{\text{сезон}}$$

– $K_{\text{ветер}}$: Корреляция с розой ветров. Если преобладающее направление ветра направлено на жилую застройку, коэффициент >1 (до 1,5).

– $K_{\text{рельеф}}$: Учет коэффициента стратификации (A). Для условий застоя воздуха (низины) коэффициент увеличивается.

– $K_{\text{барьер}}$: Снижающий коэффициент при наличии лесополосы (снижение шума на 10–15 дБА) или экрана.

– $K_{\text{сезон}}$: Для складов минеральных удобрений или угля — учет периода пыления (сухое лето).

2. Интеграция бассейново-ландшафтного подхода

Геоэкологическое расстояние должно стать трехмерным. Для транспортных хабов предлагается расчет «гидрологического разрыва». Если ливневые стоки с территории автопарка не проходят очистку, расстояние до водного объекта должно рассчитываться как время добегающего стока, достаточное для разложения нефтепродуктов до ПДК (обычно это сотни метров вдоль склона, а не фиксированные 50 м Водного кодекса). Это требует построения цифровых моделей рельефа (ЦМР) для анализа путей миграции загрязнений.

3. Переход к комплексному акустико-гигиеническому моделированию

Вместо установления СЗЗ предлагается обязательное построение 3D-шумовых карт в специализированном ПО (CadnaA, SoundPLAN, Эколог-Шум) с привязкой к ВМ-моделям складов. Геоэкологическое расстояние определяется как изолиния 55/45 дБА (день/ночь) с учетом отражений звука от фасадов и интерференции складских блоков.

4. ГИС-интеграция и динамическое нормирование

Создание единой геоинформационной среды, где слои «Источники выбросов», «Расчетные СЗЗ», «Водоохранные зоны» и «Шумовые поля» накладываются на карту устойчивости ландшафтов (по В.Г. Заиканову). Если территория отнесена к категории низкой геохимической устойчивости (песчаные грунты, высокое стояние грунтовых вод), нормативное расстояние должно

автоматически увеличиваться системой на коэффициент уязвимости подземных вод.

Заключение

Нормирование геоэкологических расстояний для складской и транспортной инфраструктуры есть сложная междисциплинарная задача, решение которой находится не в плоскости утверждения новых цифр, а в смене парадигмы — от санитарно-защитного зонирования к управлению геоэкологическими рисками. Предложенный подход дифференцированного нормирования с использованием ГИС и мультифизического моделирования позволяет уйти от формальных отступов, гармонизировав экономические интересы девелоперов с безопасностью среды и здоровьем населения.

Список литературы

1. СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03. Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов: редакция от 28.02.2022.
2. Водный кодекс Российской Федерации: от 03.06.2006 № 74-ФЗ: статья 65.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2018 № 222 «Об утверждении Правил установления санитарно-защитных зон и использования земельных участков, расположенных в границах санитарно-защитных зон».
4. Заиканов, В. Г. Теоретические основы и методические подходы к геоэкологическому зонированию городских территорий / В. Г. Заиканов, Т. Б. Минакова, Е. В. Булдакова / Геоэкология. — 2017. — № 4. — С. 303–312.
5. ГОСТ Р ИСО 37120-2020. Устойчивое развитие городов и общин. Показатели городских услуг и качества жизни.
6. СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений: актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*: с изменениями № 1, № 2, № 3.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.34

РОЛЬ *K. PNEUMONIAE* КАК ВОЗБУДИТЕЛЯ ДИАРЕИ У ДЕТЕЙ: РЕЗИСТЕНТНОСТЬ И ФАКТОРЫ ВИРУЛЕНТНОСТИ

Осмаева Заира Шоиповна

Галкина Елизавета Андреевна

студенты 5 курса

Научный руководитель: Кимирилова Ольга Геннадьевна,

доцент кафедры детских инфекций, к. м. н.

Научный руководитель: Харченко Геннадий Андреевич,

зав. кафедрой, д. м. н., профессор

Астраханский государственный медицинский университет,

город Астрахань

***Аннотация.** В статье представлен обзор актуальных сведений о возросшей роли *Klebsiella pneumoniae* как причины острых кишечных заболеваний у детей младшего возраста. Рассмотрены эпидемиологические аспекты, а также молекулярные механизмы вирулентности бактерии, такие как синтез энтеротоксинов, адгезия и формирование биопленок. Значительный акцент сделан на проблеме устойчивости к антимикробным препаратам: описано широкое распространение проявления диареи, а также современные принципы диагностики и специфического лечения с учетом резистентности возбудителя. В заключение обоснована важность усиления микробиологического контроля и создания индивидуальных стратегий терапии кишечных инфекций, вызванных *K. pneumoniae*, у детей.*

***Ключевые слова:** *Klebsiella pneumoniae*, диарея, дети, антибиотикорезистентность, ESBL, карбапенемазы, факторы вирулентности, гены *tsr*,*

нутритивный статус

Острые кишечные инфекции (ОКИ) продолжают занимать лидирующие позиции среди факторов, обуславливающих высокую частоту заболеваемости и летальность в группе детей младше пяти лет на глобальном уровне. Ежегодно фиксируется приблизительно 1,7 миллиарда эпизодов диарейных расстройств у детей, при этом ежегодно от диареи погибает свыше 500 тысяч детей данной возрастной категории. Бактериальные возбудители выступают причиной возникновения от 60 до 85 процентов всех случаев диареи.

Несмотря на устойчивую тенденцию к уменьшению частоты случаев шигеллеза, сальмонеллеза и эшерихиоза в последние годы, проблема кишечных инфекций, вызванных условно-патогенной микрофлорой, остается актуальной. Пневмоцистная палочка (*Klebsiella pneumoniae*), являясь естественным обитателем кишечника человека, выступает как оппортунистический патогенный агент, который идентифицируется среди причин диарейных синдромов, особенно у пациентов детского возраста со сниженными защитными силами организма.

Этот микроорганизм обладает способностью провоцировать инфекционные процессы как внутри лечебных учреждений, так и за их пределами, затрагивая различные органы и системы. Основная задача данного обзора заключается в структурировании актуальной информации о роли *Klebsiella pneumoniae* в этиологии детской диареи. В работе подробно рассматриваются факторы вирулентности, определяющие диареегенный потенциал данного патогена, а также анализируется проблема устойчивости клинических штаммов к антибиотикотерапии.

Klebsiella pneumoniae представляет собой серьезную, но часто игнорируемую причину диареи у детей, особенно в период новорожденности и грудного вскармливания. Патогенность данной бактерии обусловлена богатым арсеналом вирулентных факторов: наличием специфических адгезивных элементов (таких как фимбрии I типа и механизмы агрегативной адгезии), способностью формировать капсулу, а также синтезом гемолизина и сидерофоров.

В настоящее время ключевой проблемой становится стремительный рост

устойчивости клебсиелл к антибиотикам у детских пациентов. Распространение штаммов, продуцирующих бета-лактамазы расширенного спектра (ЭБЛС), появление карбапенемрезистентных форм и возникновение резистентности к коли-стину, опосредованной генами *mcr*, серьезно снижают эффективность существующих антибактериальных схем лечения.

Кишечные инфекции, вызываемые *Klebsiella pneumoniae*, у детей более выраженные симптомы заболевания, что обусловлено незрелостью иммунной защиты и особенностями перинатального анамнеза, снижающими общую резистентность организма.

Пневмоцианная палочка (*Klebsiella pneumoniae*) входит в нормальную микрофлору кишечника человека, но при ослаблении защитных сил организма способна проявлять патогенные свойства. В структуре острых кишечных инфекций (ОКИ), вызванных этим возбудителем, доминируют пациенты неонатального и грудного периодов с незрелой иммунной системой.

Важно подчеркнуть, что колонизация кишечника *K. pneumoniae* наблюдается как у детей с диарейным синдромом, так и у клинически здоровых пациентов, что свидетельствует о сложной динамике взаимодействия между вирулентными факторами бактерии и состоянием хозяина. Вероятность развития инфекции определяется равновесием между агрессивностью микроорганизма, резистентностью слизистой оболочки и уровнем иммунной защиты ребенка.

Диарейный синдром, индуцированный *K. pneumoniae*, обусловлен наличием комплекса факторов патогенности, обеспечивающих прикрепление к эпителию, колонизацию и его разрушение.

Ключевым этапом патогенеза является прикрепление бактерий к клеткам кишечного эпителия. У штаммов, выделенных от детей с диареей, идентифицированы гены *fimH*, *mrkA* и *lufA*, повышающие адгезивный потенциал.

Почти все изоляты *K. pneumoniae*, ассоциированные с ОКИ у детей, экспрессируют фимбрии первого типа и обладают генами, регулирующих их синтез. Эти структуры обеспечивают первичное сцепление с рецепторами эпителиоцитов, инициируя цепь патогенетических реакций.

Капсула выступает важнейшим фактором вирулентности, защищающим бактерию от фагоцитоза и гуморальных звеньев иммунитета. Она присутствует у большинства клинических изолятов. У гипервирулентных штаммов (hvKP) на плазмиде обнаружен ген *iucA*, кодирующий синтез аэробактина – специфического сидерофора, позволяющего бактерии усваивать железо при его дефиците в организме хозяина.

Выработка гемолизина способствует разрушению клеточных мембран и высвобождению питательных веществ. Среди выделенных штаммов клебсиелл зафиксирована продукция гемолизина в сочетании с другими факторами патогенности.

Рост устойчивости *K. pneumoniae* к антибактериальным препаратам представляет серьезную угрозу в педиатрии. Современные изоляты часто обладают множественной лекарственной устойчивостью (МЛУ), что сужает арсенал терапевтических средств.

Анализ исследований выявляет, что доминирующей проблемой является экстремально высокая доля ESBL-фенотипа (98,1%), которая нивелирует эффективность цефалоспоринов третьего поколения. Особую тревогу вызывает выявление карбапенемрезистентных штаммов Клебсиеллы пневмонии (CRKP) в амбулаторной практике, в частности генетического варианта ST5670, что опровергает устоявшееся мнение о внутрибольничном происхождении таких микроорганизмов [2].

Значительный риск представляет устойчивость к колистину, обусловленная плазмидным геном *mcr*. Статистика из Вьетнама, где 40,5% изолятов оказались нечувствительными, свидетельствует о глобальном распространении этого гена, лишая педиатров возможности использовать антибиотики резерва. Ключевую роль в распространении этих детерминант посредством горизонтального переноса играют мобильные генетические элементы, такие как *ISEcp1* и интегроны первого класса, которые способствуют перемещению патогенных свойств между комменсальными и патогенными штаммами.

Опасность представляет появление карбапенемрезистентных штаммов *K.*

pneumoniae (CRKP), устойчивых к антибиотикам резерва. CRKP выявлены у пациентов обеих групп. Обнаружение новых генетических типов, таких как ST5670 CRKP, требует усиленного эпидемиологического контроля за внебольничными штаммами.

Помимо бета-лактамов, фиксируется высокая резистентность к тетрациклинам (73,1%), сульфаниламидам (67,3%) и хинолонам (30,8%). Распространенность МЛУ среди ESBL-положительных штаммов достигает 88,5% у детей с диареей и 78,8% у здоровых детей. Наиболее частый профиль множественной резистентности включает комбинацию цефалоспоринов, тетрациклинов и триметоприм-сульфаметоксазола.

Колистин, ранее считавшийся препаратом последней линии, также теряет эффективность. Плазмиды выступают главным фактором распространения генов, обеспечивающих устойчивость к антибиотикам. У штаммов *Klebsiella pneumoniae*, выделенных у детей с симптомами острой диареи, обнаружены плазмиды типов IncF и IncK, несущие детерминанты резистентности. Наличие генов ESBL, особенно вариантов blaCTX-M, связано с устойчивостью к цефалоспоридам третьего поколения. Резистентность к фторхинолонам обусловлена мутациями в генах *gyrA* и *parC*, а также присутствием плазмидных генов *qnr*.

Мобильные генетические элементы, такие как ISEcp1, IS26 и интегроны первого класса, способствуют горизонтальному переносу генов устойчивости между различными штаммами и видами бактерий. Это повышает риск распространения резистентности не только внутри стационаров, но и в окружающей популяции.

Клинико-эпидемиологическая методика сохраняет свою ключевую роль; при этом лабораторная верификация (через бактериологические, ПЦР- или серологические тесты) не является строго обязательным условием для начала лечения. В 30-60% ситуаций причина заболевания так и не устанавливается.

Бактериологический посев с тестированием чувствительности к антибиотикам по-прежнему выступает эталонным методом диагностики. Тем не менее, ввиду продолжительности традиционного подхода, целесообразно применять

ПЦР-панели для быстрого выявления генов устойчивости (таких как blaCTX-M, blaKPC и mcr) напрямую из образцов кала. Если резистентность отсутствует, препаратами первой линии выступают защищенные аминопенициллины или цефалоспорины четвертого поколения. При наличии ESBL-фенотипа (за исключением карбапенем-резистентного *Klebsiella pneumoniae*) рекомендуется назначение карбапенемов. В ситуациях с множественной лекарственной устойчивостью применяется комбинированная схема лечения с использованием тигециклина и колистина, при этом у новорожденных пациентов обязательно требуется проведение фармакокинетического мониторинга.

Следует усилить эпидемиологический контроль за резистентностью и факторами вирулентности *K. pneumoniae* не только в стационарах, но и в амбулаторной практике, включая обследование здоровых детей-носителей. Значимость *Klebsiella pneumoniae* в качестве возбудителя детской диареи неуклонно увеличивается, хотя подтвердить её роль сложно из-за широкого распространения бессимптомного носительства. Особую тревогу вызывает глобальная эпидемия полирезистентности, затронувшая как стационарные, так и амбулаторные штаммы. В педиатрии это диктует необходимость корректировки эмпирической терапии острых кишечных инфекций с обязательным учетом данных локального мониторинга устойчивости. Хотя изучение бактериофагов и ингибиторов системы секреции третьего типа выглядит многообещающим, до их практического применения главным инструментом борьбы с угрозой остаются рациональная антибиотикотерапия и регулярное обследование детей из групп риска на наличие резистентных штаммов.

Список литературы

1. Молекулярная характеристика антибиотикорезистентных штаммов *Klebsiella pneumoniae*, выделенных в травматологических стационарах / Н. А. Гординская, Н. Ф. Бруснигина, А. Е. Алексеева [и др.] / Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 243-246.
2. Зарянкина, А. И. Инфекционные диареи у детей: обзор литературы / А. И. Зарянкина / Педиатрия. Восточная Европа. – 2026. – Т. 14, № 1. – С. 169-181.

УДК 616.523

**ВАКЦИНОПРОФИЛАКТИКА ОПОЯСЫВАЮЩЕГО ГЕРПЕСА У
ДЕТЕЙ: СНИЖЕНИЕ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И ДОЛГОСРОЧНОЕ
ВЛИЯНИЕ НА ПОПУЛЯЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ****Осмаева Заира Шоиповна****Галкина Елизавета Андреевна**

студенты 5 курса

Научный руководитель: Кимирилова Ольга Геннадьевна,

доцент кафедры детских инфекций, к. м. н.

Научный руководитель: Харченко Геннадий Андреевич,

зав. кафедрой, д. м. н., профессор

Астраханский государственный медицинский университет,

город Астрахань

***Аннотация.** В статье рассматривается профилактика опоясывающего герпеса у детей базируется на прививках от ветрянки, поскольку оба недуга провоцируются одним патогеном – вирусом Варицелла-Зостер (Varicella Zoster). Дело в том, что данное заболевание считается высококонтагиозное, которое передается воздушно-капельным путем. Несмотря на устоявшееся мнение о том, что опоясывающий лишай поражает преимущественно пожилых людей и лиц с ослабленным иммунитетом, случаи заболевания фиксируются и в детском возрасте. Внедрение программ вакцинации кардинально трансформировало эпидемиологическую ситуацию с инфекцией, вызываемой вирусом варицеллы-зостер.*

***Ключевые слова:** герпес, вакцинация, опоясывающий герпес, ветряная оспа, прививки, вирус варицелла-зостер*

Вирус ветряной оспы (Varicella-Zoster Virus, VZV) – один из самых

распространённых герпес-вирусов, который заражает до 80–90% людей.

После инфицирования вирусом Варицелла-Зостер перенесенной натуральной ветряной оспы возбудитель сохраняется в организме пожизненно в спящем виде и способен активироваться спустя годы, становясь причиной опоясывающего герпеса. С точки зрения экономического ущерба ветряная оспа находится на третьей позиции среди инфекционных болезней, уступая лишь ОРВИ и кишечным инфекциям.

В настоящее время превентивные меры против инфекции, вызванной вирусом Варицелла-Зостер, строятся на двух основных направлениях: иммунизации от ветряной оспы и специфической прививке от опоясывающего лишая. Для защиты от этих патологий применяются живые ослабленные вакцины, так как они способны воспроизводить естественную реакцию иммунной системы, стимулируя одновременно как антителообразующее, так и клеточное звено защиты.

Вакцинопрофилактика берет свое начало в экспериментах Э. Дженера 1796 года. Сейчас она входит в четвертый век своего существования как основной метод профилактики: из 30 лет, на которые увеличилась средняя продолжительность жизни в развитых странах в XX веке, 31 год приходится на вакцинопрофилактику [1].

Согласно данным ВОЗ, в год по всему миру от ветряной оспы госпитализируют 4,2 миллиона человек с тяжелым и осложненным течением болезни, а 4200 случаев заканчиваются смертью [2]. Все одобренные ВОЗ прививки от ветрянки базируются на ослабленном штамме Ока. Они отличаются высокой способностью вызывать иммунитет и низким риском побочных реакций. В России для иммунизации детей старше одного года применяется препарат «Варилрикс», который вводится дважды с перерывом не менее шести недель. Такая двухэтапная схема вакцинации в детском возрасте обеспечивает надежную защиту от естественного заражения вирусом Варицелла-Зостер, сохраняющуюся на протяжении многих десятилетий.

В начале XXI века ускорился процесс создания новых вакцин, стоимость производимых вакцин в мире увеличилась в три раза, это связано с доказательной

базой того, что вакцина также содержит ослабленный живой штамм Ока, который, согласно исследованиям, подвержен реактивации значительно реже, чем сам вирус [3]. Следовательно, иммунизация заменяет потенциально опасную естественную инфекцию на безопасную процедуру, формируя защиту без угрозы последующей активации вируса.

Статистика показывает, что примерно у 30% людей, ранее перенесших ветрянку, в течение жизни развивается хотя бы один случай опоясывающего лишая. Несмотря на то, что риск заболевания выше у лиц старшего возраста, дети также подвержены этой инфекции [3]. Данное заболевание часто возникает у детей на фоне снижения иммунитета. Большинство случаев ветряной оспы приходится на осенний и зимний периоды [4].

Многие родители знают, что вакцинация защищает ребенка от ветряной оспы. Однако не все осознают, что эта прививка дает еще один важный элемент: она надежно снижает риск развития опоясывающего герпеса (*herpes zoster*), как в детском, так и подростковом и взрослом возрасте. В статье нами подробно рассматривается то, как работает данная защита и насколько она эффективна и какое влияние оказывает на здоровье целых поколений.

Возбудителем как ветряной оспы, так и опоясывающего герпеса выступает единый патоген – вирус варицелла-зостер (VZV). После перенесенного детского заболевания вирус не выводится из организма, а персистирует в нервных ганглиях, находясь в неактивном состоянии. Спустя годы или даже десятилетия, на фоне снижения защитных сил организма человека, инфекция может активироваться, провоцируя развитие опоясывающего герпеса. Это состояние характеризуется болезненной сыпью и в тяжелых ситуациях заканчивается постгерпетической невралгией – синдромом хронической боли, который может сохраняться от нескольких месяцев до многих лет.

Таким образом перенесенная ветряная оспа переходит в латентную стадию, поскольку вирус сохраняется в задних корешках спинного мозга и ганглиях черепно-мозговых нервов. Реактивация вируса происходит при возрастном иммунодефиците и на фоне иммуносупрессивного состояния, возникшего по ряду

причин (инфицирование ВИЧ, пересадка костного мозга, лейкоз, химиотерапия, лимфомы, лечение системными глюкокортикостероидами и цитостатиками). По статистике более 95% людей старше 50 лет во всем мире перенесли первичную инфекцию, поэтому большой процент населения подвержен риску развития опоясывающего герпеса (ОГ). Постгерпетическая невралгия (ПГН) является наиболее распространенным осложнением ОГ и представляет собой хроническую боль в области пораженного дерматома. Данное осложнение может длиться годами, часто приводя к потере трудоспособности и ухудшению качества жизни пациента [6,7].

Общая заболеваемость ОГ демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению на мировом уровне, и в перспективе данная патология может войти в число наиболее массовых инфекционных недугов среди взрослого населения. В европейских государствах уровень заболеваемости колеблется в пределах 2,0-4,6 случаев на тысячу жителей. В Соединенных Штатах Америки риск столкнуться с ОГ в течение жизни возникает у каждого третьего человека, при этом ежегодно фиксируется около миллиона новых диагнозов [8].

Согласно отчетным данным Роспотребнадзора за 2025 год, Рязанская область вошла в число лидеров по частоте выявления опоясывающего лишая в Российской Федерации. Уровень заболеваемости здесь достиг отметки 48,6 случая на каждые 100 тысяч человек, превысив среднероссийский показатель (17,99) почти в три раза (в 2,7 раза) [9]. В Республике Карелия, по состоянию на середину 2025 года, было зарегистрировано 150 подтвержденных диагнозов. Заболеваемость составила 28,6 на 100 тысяч жителей, при этом среди пациентов оказалось 10 детей, не достигших 17-летнего возраста.

В систематическом обзоре данных, полученных авторами и при проведении ими рандомизированных клинических испытаний, были сделаны выводы об использовании адъювантной рекомбинантной вакцины Shingrix. Исследователи подтверждают её высокую эффективность в профилактике опоясывающего лишая (97,2% среди пациентов старше 50 лет) и постгерпетической невралгии, а также длительную сохранность иммунного ответа на протяжении минимум

десяти лет. Отдельный акцент сделан на применении препарата у пациентов с ослабленным иммунитетом, включая тех, кто перенес трансплантацию гемопоэтических стволовых клеток или страдает гематологическими злокачественными заболеваниями, где вакцина также обеспечивает надежную защиту. В заключение отмечается, что вакцинация остается основным методом профилактики опоясывающего герпеса, при этом Shingrix демонстрирует лучшие показатели эффективности и безопасности по сравнению с живой аттенуированной вакциной Zostavax, особенно в группах повышенного риска [10].

В связи с увеличением частоты случаев опоясывающего лишая ключевым и действенным методом предотвращения этой болезни остается вакцинация. Создание адъювантной рекомбинантной вакцины существенно улучшило качество жизни пациентов старшего возраста и лиц с ослабленным иммунитетом, которые относятся к группе риска по возникновению опоясывающего герпеса и связанных с ним осложнений [10].

В заключении стоит отметить, в большинстве случаев ветряная оспа протекает легко и заканчивается выздоровлением. Также, у людей с нарушенной защитой организма и у взрослых болезнь способна протекать в тяжелой форме, что иногда чревато необратимыми поражениями центральной нервной системы.

Также важно отметить, что масштабная прививка детей не только существенно снижает уровень заболеваемости ветряной оспой, но и ведет к заметному уменьшению частоты возникновения опоясывающего герпеса в будущем.

Список литературы

1. Экономическая эффективность вакцинопрофилактики. Методические указания. МУ 3.3.1878-04 (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 04.03.2004.

2. Luan G. J., Chen M., Liu Y., Liu S. N., Zhang W. Y., Xu Q., Yao H. Y. Comparison of epidemic characteristics and clinical manifestation of chickenpox between adults and children in Shandong Province from 2019 to 2021. Zhonghua Liu Xing Bing Xue Za Zhi. 2023; 44 (4): 587-591. Chinese. PMID: 371478

30. DOI: 10.3760/cma.j.cn112338-20220906-00766 PMID: 37147830.

3. Алексеевская, Т. И. К вопросу об экономической эффективности вакцинопрофилактики ветряной оспы / Т. И. Алексеевская, О. Ю. Софронов / Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного медицинского университета (1919–2019), Иркутск, 28 ноября 2019 года / Под общей редакцией Г. М. Гайдарова. Том 1. – Иркутск: Иркутский научный центр хирургии и травматологии, 2019. – С. 67-74.

4. Bakker K. M., Eisenberg M. C., Woods R., Martinez M. E. Exploring the Seasonal Drivers of Varicella Zoster Virus Transmission and Reactivation. *Am J Epidemiol.* 2021; 190 (9): 1814-1820. 10.1093/aje/kwab073. PMID: 33733653; PMCID: PMC8579026. DOI: 10.1093/aje/kwab073.;PMCID EDN: SVBNNJ PMID: 33733653.

5. Баянова, Т. А. Ветряная оспа и опоясывающий лишай: динамика инцидентности и подходы к профилактике / Т. А. Баянова, З. А. Зайкова / Якутский медицинский журнал. – 2023. – № 4(84). – С. 45-48.

6. Современный взгляд на ветряную оспу. Заболеваемость в Воронежской области у взрослых / В. В. Кунина, Г. В. Филь, О. Н. Краснорущая [и др.] / Лечащий врач. – 2026. – Т. 29, № 3. – С. 45-50.

7. Zhang W., He Z., Li P., Zeng W., Feng J., Dong X., Lu H. The necessity for popularizing varicella-zoster virus vaccine programs worldwide: An ageperiod-cohort analysis for the Global Burden of Disease study 2019. *J Infect Public Health.* 2023; 16 (7): 1093-1101. Epub 2023 May 15. PMID: 37224620. DOI: 10.1016/j.jiph.2023.05.016 EDN: KNRLLB PMID: 37224620.

8. Афонина Н. М., Михеева И. В. Мониторинг заболеваемости опоясывающим лишаем в России на этапе внедрения эпидемиологического надзора. *Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы.* 2024;(1):16–19. <https://dx.doi.org/10.18565/epidem.2024.14.1.7–13>.

9. Официальный сайт Комсомольской правды: <https://www.ryazan.kp.ru/>

online/news/7018776/?ysclid=mqxczsi09106682995 (дата обращения: 20.03.2026 г.).

10. Кузнецова, А. М. Эффективность вакцинации против вируса ветряной оспы и опоясывающего герпеса: анализ и обзор научных данных / А. М. Кузнецова, Е. В. Негоднова / Огарёв-Online. – 2026. – Т. 14, № 1(222). – С. 108-117.

11. Баянова, Т. А. Ветряная оспа и опоясывающий лишай: динамика инцидентности и подходы к профилактике / Т. А. Баянова, З. А. Зайкова / Якутский медицинский журнал. – 2023. – № 4(84). – С. 45-48.

УДК 616.33

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕРАПИИ ГАСТРИТА

Осмаева Заира Шоиповна

Войнова Екатерина Юрьевна

Галкина Елизавета Андреевна

студенты 5 курса

Белякова Ирина Сергеевна

Ассистент кафедры внутренних болезней

педиатрического факультета, к. м. н.

Астраханский государственный медицинский университет,

город Астрахань

***Аннотация.** Гастрит сохраняет статус одной из самых частых патологий ЖКТ, затрагивающих около 50% земного населения. Стратегии лечения этой болезни за последнее время кардинально изменились благодаря более глубокому пониманию механизмов развития заболевания, переоценке значения *Helicobacter pylori*, появлению новых групп лекарств и переходу к персонализированной медицине. Инновационность данного исследования состоит в обобщении актуальной информации о трансформации методов лечения различных морфологических вариантов гастрита: от подбора эрадикационной терапии *H. pylori* с учетом региональных особенностей устойчивости бактерий до использования современных кислотосупрессоров (Р-САВ) и протекторов слизистой, а также в оценке данных масштабных клинических испытаний и актуализированных руководств 2025 года.*

***Ключевые слова:** гастрит, *Helicobacter pylori*, эрадикационная терапия, ингибиторы протонной помпы, Р-САВ, мукопротективные средства, ребамипид, аутоиммунный гастрит, клинические рекомендации*

Abstract. *Gastritis retains the status of one of the most frequent gastrointestinal pathologies affecting about 50% of the earth's population. Treatment strategies for this disease have recently changed dramatically due to a deeper understanding of the mechanisms of disease development, a reassessment of the value of *Helicobacter pylori*, the emergence of new groups of drugs and the transition to personalized medicine. The innovativeness of this study consists in summarizing up-to-date information on the transformation of treatment methods for various morphological variants of gastritis: from the selection of *H. pylori* eradication therapy, taking into account the regional characteristics of bacterial resistance, to the use of modern acid suppressors (P-CAB) and mucosal protectors, as well as in evaluating data from large-scale clinical trials and updated guidelines for 2025.*

Keywords: *gastritis, *Helicobacter pylori*, eradication therapy, proton pump inhibitors, P-CAB, mucoprotective agents, rebamipide, autoimmune gastritis, clinical guidelines*

Гастрит, представляющий собой воспалительный процесс слизистой оболочки желудка, продолжает занимать лидирующие позиции в структуре патологий современной гастроэнтерологии. Статистика Всемирной организации здравоохранения указывает, что каждый второй человек на планете сталкивается с болезнями ЖКТ, а в Российской Федерации этот показатель превышает 11%. Несмотря на снижение заболеваемости гастритом и дуоденитом среди школьников в 2025 году на 3,5% (согласно данным Роспотребнадзора), актуальность проблемы сохраняется высокой из-за риска прогрессирования патологии и перехода в предраковые состояния.

Подходы к лечению претерпели существенную трансформацию. Если ранее терапия ограничивалась снятием симптомов и снижением кислотности, то сегодня приоритет отдается этиотропному лечению, включая эрадикацию *Helicobacter pylori*, восстановление защитного барьера слизистой и персонализацию схем с учетом резистентности бактерий и морфологических особенностей. В 2025 году вступили в силу обновленные клинические рекомендации по диагностике и терапии гастрита и дуоденита у взрослых, а также появились

методические указания по ведению пациентов с аутоиммунным гастритом. В рамках консенсуса Маастрихт VI зафиксированы современные протоколы эрадикационной терапии.

Данный обзор систематизирует актуальные стратегии лечения, уделяя особое внимание инновационным классам лекарств, персонализированным подходам и результатам новейших клинических испытаний.

Современная номенклатура гастрита строится на морфологических (эндоскопических и гистологических) признаках, этиологическом факторе и локализации поражения. Выделяют следующие ключевые формы:

- хронический гастрит, ассоциированный с *H. pylori* (наиболее частая форма);
- аутоиммунный гастрит (атрофия тела желудка, наличие антител к париетальным клеткам и внутреннему фактору Касла);
- химический (реактивный) гастрит, обусловленный длительным приемом НПВП или дуоденогастральным рефлюксом;
- редкие формы (лимфоцитарный, эозинофильный, гранулематозный гастрит).

Определение этиопатогенетического подтипа является решающим фактором для выбора тактики лечения. *H. pylori*-ассоциированный гастрит требует обязательной эрадикации. Аутоиммунная форма не поддается антибактериальному воздействию и нуждается в заместительной и симптоматической поддержке. Химический гастрит купируется отменой провоцирующего агента и применением мукопротекторов.

H. pylori выступает главной причиной хронического гастрита, поэтому его уничтожение остается фундаментальным этапом терапии. Согласно обновленным клиническим рекомендациям 2025 года, все пациенты с подтвержденным гастритом должны проходить тестирование на наличие инфекции. Около 40% мировых клинических протоколов предписывают обязательную эрадикацию при положительном результате теста.

В соответствии с консенсусом Маастрихт VI, существуют четыре линии

терапии, где третья и четвертая применяются как резервные («спасительные»). Золотым стандартом первой линии признана висмутсодержащая четырехкомпонентная схема (висмут + два антибиотика + ингибитор протонной помпы). В регионах с высоким уровнем резистентности к стандартным антибиотикам предпочтение отдается именно висмутсодержащим протоколам. Тройная терапия с левофлоксацином рекомендована в качестве варианта второй линии.

Принципиально новым направлением стало использование блокаторов кислоты, конкурирующих с калием (P-CAB), в частности оноразана. В отличие от ИПП, P-CAB обеспечивают более быстрый, мощный и стабильный эффект подавления секреции, не зависящий от генетического полиморфизма фермента CYP2C19. Результаты масштабных исследований III фазы показали, что четырехкомпонентная терапия с оноразаном не уступает эзомепразолу по эффективности эрадикации. Комбинация оноразана с высокими дозами амоксициллина продемонстрировала превосходные клинические результаты и меньшую частоту побочных эффектов у пациентов со штаммами *H. pylori*, экспрессирующими белки CagA и VacA.

Рост устойчивости *H. pylori* к кларитромицину и метронидазолу является глобальной проблемой. Это стимулирует переход к резистентность-ориентированным подходам и использованию искусственного интеллекта для индивидуального подбора схем. За период 2011–2021 годов уровень рецидивов инфекции составил 9%, что подчеркивает важность контроля приверженности лечению и оценки его эффективности.

Совместное применение пробиотиков с антибиотиками повышает эффективность эрадикации и снижает нежелательные реакции. Перспективным направлением также считается использование растительных компонентов (терпеноиды, полифенолы, алкалоиды) и разработка вакцин против *H. pylori*.

Подавление кислотности остается критически важным компонентом лечения, особенно при эрозивных формах, выраженном болевом синдроме и в составе эрадикационных протоколов.

Ингибиторы протонной помпы (ИПП) сохраняют статус препаратов

первой линии. При острой форме гастрита назначаются полные дозы в течение 4–8 недель для заживления слизистой (омепразол 20–40 мг, эзомепразол 20 мг, пантопразол 40 мг, рабепразол 20 мг). ИПП эффе́ктивно снижают кислотность, способствуя регенерации тканей и создавая условия для действия антибиотиков.

Блокаторы H₂-гистаминовых рецепторов также актуальны, особенно для пациентов с непереносимостью ИПП или при необходимости менее интенсивной супрессии.

P-CAV (воноразан) представляют собой наиболее перспективный класс. Их преимущества включают начало действия через час, круглосуточную стабильность эффекта, независимость от приема пищи и генетических особенностей, а также более высокую эффективность в схемах эрадикации.

Мукопротекторы играют ключевую роль в лечении эрозивных и атрофических форм гастрита. Они усиливают защиту слизистой через стимуляцию регенерации, снижение воспаления и окислительного стресса. Клинические данные подтверждают их эффективность в улучшении эндоскопической картины и снижении симптоматики.

Ребамипид — один из наиболее изученных препаратов. В российском исследовании «ОПЛОТ» (178 пациентов с хроническим атрофическим гастритом) 12-месячный прием ребамипида (300 мг/сут) показал значимое улучшение серологических маркеров атрофии и снижение воспалительных изменений у пациентов с аутоиммунным гастритом. У пациентов с постэрадикационным атрофическим гастритом наблюдалась положительная динамика морфологических параметров и повышение уровня пепсиногена.

Также зафиксировано уменьшение воспаления при смешанной этиологии гастрита.

Preparat Stillen (DA-9601), получаемый из *Artemisia asiatica*, является натуральным мукопротектором. Мета-анализ 11 рандомизированных исследований показал, что Stillen не уступает ребамипиду по эффективности заживления эрозий через 2 недели терапии, при сопоставимом профиле безопасности. В настоящее время проводятся исследования IIb фазы по оптимизации дозировок DA-

9601, а также изучаются новые препараты, такие как СКD-495 (экстракт корицы), находящиеся на стадии II фазы испытаний.

Аутоиммунный гастрит (АИГ) — специфическая форма хронического атрофического гастрита, характеризующаяся наличием аутоантител к париетальным клеткам и внутреннему фактору, что приводит к гипо- или ахлоргидрии, гипергастринемии и дефициту витамина В₁₂.

В январе 2025 года ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России опубликовало методические рекомендации по диагностике и лечению АИГ, разработанные ведущими экспертами (В.О. Кайбышева, О.М. Драпкина, И.В. Маев и др.). Документ охватывает вопросы эндоскопической, морфологической и серологической диагностики, а также содержит практические указания по лечению и диспансерному наблюдению.

Лечение АИГ включает:

- коррекцию дефицита витамина В₁₂ (парентерально) и железа;
- регулярное наблюдение для раннего выявления неопластических процессов (аденокарцинома, нейроэндокринные опухоли);
- симптоматическую терапию (прокинетики, ферменты при необходимости);
- мукопротективную терапию.

Исследование «ОПЛОТ» подтвердило, что 12-месячный прием ребамипида улучшает серологические маркеры атрофии и снижает воспаление при АИГ.

Гастроэнтерология активно внедряет инновационные подходы, выходящие за рамки традиционной фармакотерапии.

Мезенхимальные стволовые клетки, экзосомы и фокальная эндоскопическая терапия демонстрируют потенциал в регенерации тканей в доклинических моделях.

Искусственный интеллект: ИИ способен в реальном времени анализировать эндоскопические изображения с точностью 82%, сравнивая их с базой патологических процессов. Разрабатываются системы на основе обучения с подкреплением для персонализации эрадикационной терапии.

Препараты нового поколения: в разработке находятся средства с новыми мишенями, включая микрогели с контролируемым высвобождением для доставки анти-*H. pylori* препаратов и иммуноглобулины яичного желтка (IgY) для пассивной иммунотерапии.

На основе анализа современных данных сформулированы следующие подходы к терапии гастрита:

1. Обязательное тестирование на *H. pylori* для всех пациентов с гастритом. При положительном результате — проведение эрадикации согласно региональным рекомендациям с учетом резистентности.

2. Выбор схемы эрадикации должен учитывать локальный профиль резистентности. В зонах высокой устойчивости к кларитромицину предпочтительна висмутсодержащая четырехкомпонентная терапия. Р-САВ (воноразан) могут заменять ИПП в эрадикационных схемах.

3. Контроль эффективности эрадикации проводится не ранее чем через 4 недели после завершения курса с помощью ¹³C-уреазного дыхательного теста или определения антигена *H. pylori* в кале. Серологические методы для этого не подходят.

4. Кислотосупрессивная терапия ИПП или Р-САВ в полных терапевтических дозах назначается на 4–8 недель при эрозивных формах и для купирования симптомов.

5. Мукопротективная терапия (ребамипид, Stillen®) показана при эрозивных и атрофических формах для стимуляции регенерации слизистой и снижения воспаления.

6. При аутоиммунном гастрите необходима заместительная терапия дефицитов (В₁₂, железо) и регулярное эндоскопическое наблюдение.

7. Пациенты с хроническим атрофическим гастритом подлежат диспансерному учету для раннего выявления предраковых изменений.

Гастрит остается одной из самых распространенных патологий ЖКТ, затрагивающей значительную часть населения. За последние годы терапевтические стратегии претерпели эволюцию от симптоматического лечения к

этиотропной, патогенетически обоснованной и персонализированной терапии.

Ключевым достижением стало внедрение новых классов препаратов: P-САВ (воноразан), обеспечивающих более эффективную кислотосупрессию и повышающих эффективность эрадикации *H. pylori*, а также мукопротективных средств (ребамипид, Stillen®), способствующих регенерации слизистой оболочки и уменьшению воспалительных изменений. Результаты исследования «ОПЛОТ» подтвердили эффективность длительной мукопротективной терапии при хроническом атрофическом гастрите, а мета-анализы продемонстрировали не меньшую эффективность Stillen® по сравнению с ребамипидом.

Важным шагом вперёд стала публикация в 2025 году обновлённых клинических рекомендаций по гастриту и дуодениту, а также первых методических рекомендаций по аутоиммунному гастриту, что позволило унифицировать подходы к диагностике и лечению различных форм заболевания.

Перспективными направлениями остаются разработка вакцин против *H. pylori*, внедрение искусственного интеллекта для персонализации терапии, использование стволовых клеток и экзосом для регенерации слизистой, а также создание препаратов с новыми механизмами действия.

Таким образом, современная терапия гастрита представляет собой многокомпонентную стратегию, учитывающую этиологию, морфологический подтип, степень активности воспаления, наличие атрофических изменений и индивидуальные особенности пациента. Дальнейшие исследования и внедрение инновационных подходов позволят улучшить результаты лечения и снизить риск прогрессирования заболевания и развития желудочной аденокарциномы.

Список литературы

1. Клинические рекомендации «Гастрит и дуоденит у взрослых» / Утверждены Минздравом России. – 2025. – Начало действия: 01.01.2025. – URL: <https://rmbic.tatarstan.ru> (дата обращения: 02.07.2026).

2. Методические рекомендации «Диагностика и лечение аутоиммунного гастрита» / ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России. – 2025. – 21 января. –

URL: <https://gnicpm.ru> (дата обращения: 02.07.2026).

3. Kim B., Huh J., Kim S. G., Ahn J. Y., Kim J. W. Pharmacological Treatment of Gastritis: A Narrative Review with a Systematic Literature Search / Gut and Liver. – 2025. – Vol. 19, No. 6. – P. 783–794. – DOI: 10.5009/gnl250267.

4. Койдан П. В., Щербак В. А. Современные аспекты диагностики и лечения хронического гастрита, ассоциированного с *Helicobacter pylori* / Забайкальский медицинский вестник. – 2026. – № 1. – URL: <https://www.zabmedvestnik.ru> (дата обращения: 02.07.2026).

5. Comparative Efficacy and Safety of Stillen® and Rebamipide in Patients with Acute or Chronic Gastritis: A Systematic Review and Network Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials / Journal of Clinical Medicine. – 2025. – Vol. 14, No. 17. – P. 6209. – DOI: 10.3390/jcm14176209.

6. Bakulin I.G., Sushilova A.G., Zharkov A.V. Rebamipide efficacy in chronic atrophic gastritis (OPLoT study results) / Russian Medical Inquiry. – 2025. – Vol. 9, No. 9. – P. 580–586. – DOI: 10.32364/2587-6821-2025-9-9-7.

7. Достижения в борьбе с атрофией слизистой оболочки желудка: патологические механизмы, терапевтические цели и клинические стратегии / Лечащий Врач. – 2026. – 26 марта. – URL: <https://www.lvrach.ru> (дата обращения: 02.07.2026).

УДК 616.98

ЛЕЧЕНИЕ ПОСТКОВИДНЫХ НАРУШЕНИЙ: ФОКУС НА ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНУЮ И АНТИКОАГУЛЯНТНУЮ ТЕРАПИЮ

Осмаева Заира Шоиповна**Катушкина Елизавета Дмитриевна****Галкина Елизавета Андреевна**

студенты 5 курса

Белякова Ирина Сергеевна

ассистент кафедры внутренних

болезней педиатрического факультета, к. м. н.

Астраханский государственный медицинский университет,

город Астрахань

***Аннотация.** Постковидный синдром (ПКС) — это мультисистемное расстройство, поражающее многих пациентов после перенесенной инфекции SARS-CoV-2 и проявляющееся разнообразными симптомами, которые длятся свыше 12 недель после острого этапа болезни. В основе его развития лежат два тесно связанных механизма: персистирующее слабовыраженное воспаление и повышенная свертываемость крови, вызванные сбоями в работе иммунной системы, нарушением функции эндотелия и дисбалансом между системами свертывания и антитромбоза. Научная новизна исследования заключается в систематизации современных данных о роли тромбовоспаления при постковидных нарушениях, а также в оценке эффективности и ограничений противовоспалительной и антикоагулянтной терапии на основе результатов завершенных и продолжающихся клинических испытаний.*

***Ключевые слова:** постковидный синдром, long COVID, тромбовоспаление,*

противовоспалительная терапия, антикоагулянтная терапия, эндотелиальная дисфункция, низкомолекулярные гепарины, прямые пероральные антикоагулянты

Abstract. *Postcoid syndrome (ACS) is a multisystem disorder that affects many patients after suffering a SARS-CoV-2 infection and manifests itself in a variety of symptoms that last over 12 weeks after an acute stage of the disease. Its development is based on two closely related mechanisms: persistent mild inflammation and increased blood clotting caused by malfunctions of the immune system, impaired endothelial function and an imbalance between the clotting and antithrombosis systems. The scientific novelty of the study lies in the systematization of current data on the role of thromboinflammation in postcoid disorders, as well as in assessing the effectiveness and limitations of anti-inflammatory and anticoagulant therapy based on the results of completed and ongoing clinical trials.*

Keywords: *post-COVID syndrome, long COVID, thromboinflammation, anti-inflammatory therapy, anticoagulant therapy, endothelial dysfunction, low molecular weight heparins, direct oral anticoagulants*

Синдром длительного течения после перенесенной инфекции SARS-CoV-2, известный как long COVID или PASC, является одной из наиболее острых проблем в современной клинической практике. Согласно критериям ВОЗ, данный диагноз ставится при сохранении симптомов более 12 недель после острой стадии болезни, если нет иных объяснений их возникновения. Распространенность постковидного синдрома сильно варьирует — от 10% до 50% пациентов, что зависит от особенностей исследуемых групп, методологии исследований и диагностических критериев.

Клиническая картина ПКС отличается большим разнообразием и включает такие проявления, как выраженная усталость, когнитивные сбои («мозговой туман»), одышку, боли в сердце и суставах, расстройства сна, а также тревожные и депрессивные состояния. Примечательно, что этот синдром может развиваться не только после тяжелого течения COVID-19, но и после легкой или бессимптомной формы инфекции [1].

Механизмы развития ПКС сложны и включают персистирующую вирусную активность или наличие ее фрагментов, иммунную дисрегуляцию с хроническим воспалением, а также эндотелиальную дисфункцию и нарушения гемостаза, выражающиеся в гиперкоагуляции и образовании микротромбов. Центральным элементом, связывающим воспаление и тромбоз, является концепция тромбовоспаления. Двойственная природа заболевания, сочетающая воспаление и склонность к свертыванию крови, обосновывает необходимость применения двух стратегий лечения: противовоспалительной и антикоагулянтной [2].

В данной статье представлен обзор актуальных данных об эффективности и ограничениях противовоспалительной и антикоагулянтной терапии при постковидных осложнениях, а также проанализированы перспективы комбинированного подхода к лечению [3,4].

Синдром после перенесенной инфекции COVID-19 сопровождается хроническим вялотекущим воспалительным процессом, который поддерживается комплексом различных патогенетических механизмов. Прежде всего, речь идет о сбоях в работе иммунной системы, проявляющихся изменением цитокинового профиля: наблюдается рост концентрации провоспалительных медиаторов, таких как интерлейкин-6 (ИЛ-6), фактор некроза опухоли альфа (ФНО- α) и С-реактивный белок (СРБ). Кроме того, развивается эндотелиальная дисфункция, вызванная как прямым цитопатическим воздействием вируса, так и опосредованными иммунными реакциями. Третьим ключевым фактором выступает дисбаланс между системами гемостаза, что приводит к состоянию гиперкоагуляции [5].

Глубокая патофизиологическая связь между воспалительными процессами и тромбообразованием при постковидном синдроме объясняется сложным взаимодействием биохимических путей. Воспалительные цитокины, особенно ИЛ-6, запускают каскад свертывания крови, стимулируют экспрессию тканевого фактора на поверхности моноцитов и клеток эндотелия, тормозят процессы фибринолиза и усиливают склонность тромбоцитов к агрегации. В ответ продукты активации коагуляции, в частности тромбин, усиливают воспалительный ответ

посредством активации рецепторов, связанных с протеазами (PAR). В результате формируется замкнутый патологический цикл, при котором воспаление и гиперкоагуляция взаимно усиливают друг друга.

Указанное патогенетическое переплетение формирует теоретическую базу для одновременного влияния на два ключевых механизма: с одной стороны, это торможение воспалительной реакции, а с другой — нормализация показателей свертываемости крови.

Терапия, направленная на снятие воспаления при ПКС, призвана устранить хронический воспалительный процесс, который в современной парадигме считается одним из главных факторов, обуславливающих клиническую картину синдрома. Врачи располагают несколькими группами медикаментов, обладающих противовоспалительным эффектом.

Глюкокортикостероиды (ГКС), отличающиеся высокой антиинфламаторной активностью, успешно применяются при лечении тяжелых форм острой стадии COVID-19. Однако при ПКС их применение лимитировано из-за вероятности системных нежелательных явлений и недостатка достоверных данных о пользе при длительном курсе. Согласно актуальным рекомендациям, системные ГКС при постковидном синдроме показаны только в стационаре пациентам с рецидивирующим гиперактивным иммуновоспалительным синдромом и значительным ростом маркеров воспаления.

Нестероидные противовоспалительные препараты (НПВП) рассматриваются как опция фармакотерапии ПКС, особенно если присутствуют болевой синдром или боли в суставах. Тем не менее, их использование связано с риском поражения ЖКТ, что ограничивает продолжительность курса. Кроме того, доказательная база эффективности НПВП именно при ПКС остается скудной.

Ингибиторы ИЛ-6, например, тоцилизумаб, показали результативность при тяжелой острой фазе COVID-19 за счет блокады ключевого провоспалительного цитокина. В постковидном периоде их изучение продолжается, но рутинное назначение ингибиторов ИЛ-6 при ПКС пока не рекомендуется из-за дефицита данных и потенциальных рисков.

Достаточно популярным является препарат метформин. Так, недавнее исследование продемонстрировало, что прием метформина в течение первой недели инфекции снижал риск развития long COVID на 41% благодаря подавлению сигнального пути mTOR. Эти результаты открывают новые горизонты для ранней противовоспалительной профилактики ПКС, хотя требуют подтверждения в масштабных испытаниях.

В практике противовоспалительные агенты также используют препараты с противовоспалительным и иммунорегулирующим действием: низкие дозы налтрексона, мелатонин, флувоксамин (обладающий противовоспалительными свойствами через воздействие на сигма-1 рецепторы), а также комплексы, содержащие сукцинат. Однако большинство из них не имеют надежной доказательной базы и применяются преимущественно в рамках исследований или по индивидуальным показаниям.

Гиперкоагуляция и тромботические осложнения входят в число наиболее значимых проявлений как острой, так и постковидной фазы COVID-19. Частота венозных тромбозов при COVID-19 достигает 10–35%, а состояние гиперкоагуляции в постковидном периоде регистрируется у 86% пациентов. Через 3 месяца терапии количество пациентов с выраженной гиперкоагуляцией уменьшается в 2,08 раза (с 73 до 35%), что подчеркивает как масштаб проблемы, так и потенциальную эффективность антикоагулянтной коррекции.

Низкомолекулярные гепарины (НМГ). НМГ, включая эноксапарин, являются препаратами выбора для профилактики и лечения тромботических осложнений при COVID-19. Их преимущество заключается не только в антикоагулянтном, но и в противовоспалительном, иммуномодулирующем и эндотелиопротективном действии. НМГ снижают эндотелиальное воспаление и могут улучшать оксигенацию у пациентов с ПКС.

Однако, как показало рандомизированное исследование OVID, профилактическое применение эноксапарина у амбулаторных пациентов с COVID-19 не улучшало долгосрочные клинические и функциональные исходы через 2 года наблюдения. Это указывает на то, что рутинное назначение антикоагулянтов всем

пациентам с ПКС не оправдано, и требуется более дифференцированный подход.

Прямые пероральные антикоагулянты (ПОАК). Препараты этой группы – апиксабан, ривароксабан, дабигатран – широко применяются для профилактики и лечения тромбозмболических осложнений. При ПКС ПОАК рассматриваются как потенциально эффективные средства, особенно у пациентов с подтверждёнными тромботическими событиями или высоким риском их развития. Клинические исследования, включая протокол HEAL-COVID, изучают эффективность коротких курсов апиксабана (14 дней) для предотвращения долгосрочных симптомов.

В исследовании с участием 157 пациентов, перенёсших COVID-19, оценивался переход от антагонистов витамина К к ПОАК в рутинной практике. У пациентов с long COVID отмечалось повышение частоты заболеваний суставов на 14%, что свидетельствует о персистирующем воспалении и требует комплексной терапии.

Сульдексид. Этот препарат, обладающий антикоагулянтной, фибринолитической и эндотелиопротективной активностью, продемонстрировал защитный эффект в отношении эндотелиальной дисфункции у пациентов с диабетом, перенесших COVID-19. Его применение при ПКС изучается в рамках продолжающихся клинических исследований.

Комбинированный подход: противовоспалительная и антикоагулянтная терапия

Учитывая тесную патогенетическую взаимосвязь воспаления и тромбоза, наиболее перспективным представляется комбинированное применение противовоспалительных и антикоагулянтных средств. Этот подход находит отражение в концепции «проактивной противовоспалительной и антикоагулянтной терапии», которая была предложена ещё на ранних этапах пандемии.

В исследовании АСТ (Anti-Coronavirus Therapies) оценивалась эффективность колхицина (противовоспалительное) и комбинации ривароксабана с аспирином (антитромботическое) у госпитализированных пациентов с COVID-19. Однако ни колхицин, ни комбинация ривароксабана с аспирином не

предотвратили прогрессирование заболевания или смерть. Это подчёркивает, что эффекты комбинированной терапии могут различаться в зависимости от стадии заболевания и клинического контекста.

В то же время анализ тромбовоспалительных механизмов показывает, что раннее назначение комбинированной терапии, особенно у пациентов с высоким риском, может быть более эффективным. Противовоспалительные препараты, снижая продукцию провоспалительных цитокинов, уменьшают активацию каскада свёртывания, а антикоагулянты, в свою очередь, предотвращают тромбообразование и связанное с ним усиление воспаления.

Клинические исследования комбинированной антикоагулянтной и противовирусной терапии при long COVID показали, что у 110 пациентов 59 получали антикоагулянтную терапию, 17 – противовирусную, а 34 не получали ни того, ни другого. Полученные данные свидетельствуют о возможной пользе комбинированного лечения, однако требуются дальнейшие рандомизированные исследования.

На основании анализа современных данных можно сформулировать следующие практические подходы к терапии постковидных нарушений с фокусом на противовоспалительную и антикоагулянтную терапию:

Дифференцированный подход. Антикоагулянтная терапия показана пациентам с подтверждёнными тромботическими событиями или высоким риском их развития. Рутинное назначение антикоагулянтов всем пациентам с ПКС в настоящее время не рекомендуется из-за отсутствия доказательств эффективности и риска геморрагических осложнений.

Раннее начало противовоспалительной терапии может снизить риск развития ПКС, особенно у пациентов с высоким уровнем провоспалительных маркеров. Метформин, назначенный в первые 7 дней инфекции, снижает риск long COVID на 41%.

Мониторинг маркеров воспаления и гемостаза. У пациентов с ПКС целесообразно определение уровней СРБ, ферритина, ИЛ-6, а также показателей коагулограммы (D-димер, фибриноген) для своевременной коррекции терапии.

Противовоспалительные препараты (НПВП, низкие дозы ГКС в отдельных случаях) могут применяться для купирования болевого синдрома и артралгий, однако их длительное использование ограничено риском побочных эффектов.

Перспективные направления. Комбинация противовоспалительных и антикоагулянтных средств, а также использование препаратов с двойным механизмом действия (например, НМГ, сульдексид) представляет собой наиболее многообещающую стратегию, требующую дальнейшего изучения в рамках крупных рандомизированных клинических исследований.

Постковидный синдром является мультисистемным состоянием, в основе которого лежит сложное взаимодействие персистирующего воспаления и гиперкоагуляции – тромбовоспаление. Патогенетическая обоснованность применения противовоспалительной и антикоагулянтной терапии при ПКС не вызывает сомнений, однако клинические исследования демонстрируют неоднозначные результаты.

Рутинное назначение антикоагулянтов всем пациентам с ПКС не имеет достаточных доказательств и сопряжено с риском геморрагических осложнений. В то же время у пациентов с подтверждёнными тромботическими событиями или высоким риском их развития антикоагулянтная терапия (предпочтительно ПОАК или НМГ) является обязательной. Противовоспалительная терапия, включая НПВП, ГКС (по строгим показаниям) и перспективные средства (метформин, ингибиторы ИЛ-6), может играть важную роль в лечении ПКС, особенно при наличии лабораторных и клинических признаков активного воспаления.

Наиболее перспективным направлением является разработка комбинированных стратегий, одновременно воздействующих на оба патогенетических звена – воспаление и тромбоз. Для внедрения таких подходов в клиническую практику необходимы дальнейшие крупные рандомизированные контролируемые исследования с длительным периодом наблюдения, а также разработка надёжных биомаркеров для стратификации пациентов по риску и персонализации терапии.

Таким образом, терапия постковидных нарушений требует

индивидуального подхода, учитывающего клинический фенотип, лабораторные показатели и факторы риска каждого пациента. Противовоспалительная и антикоагулянтная терапия, применяемые дифференцированно и в комбинации при соответствующих показаниях, могут существенно улучшить исходы и качество жизни пациентов с постковидным синдромом.

Список литературы

1. Постковидный синдром: механизмы развития и факторы риска / COVID-19. Официальный сайт Минздрава России. – 2024. – Режим доступа: <https://covid19-rosminzdrav.ru> (дата обращения: 02.07.2026).
2. Белоглазов В. А., Яцков И. А., Усеинова Р. Х. Низкоинтенсивное воспаление в постковидном периоде как стратегическая цель лечения и реабилитации / *Acta Biomedica Scientifica*. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. –35.
3. Chiopris G., Veronese P., Cusenza F. et al. Congenital Cytomegalovirus Infection: Update on Diagnosis and Treatment / *Microorganisms*. – 2020. – Vol. 8, No. 10. – P. 1516.
4. Insights into potential therapeutic approaches for long COVID / *EurekAlert*. – 2025. – Режим доступа: <https://www.eurekalert.org> (дата обращения: 02.07.2026).
5. Long-term course of ambulatory patients with COVID-19 initially treated with enoxaparin vs no anticoagulation: final analysis of the OVID randomized trial / *PMC*. – 2024. – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 02.07.2026).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9

МОТИВАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Смирнов Даниил Станиславович

магистрант

Научный руководитель: Ермолин Алексей Викторович,

к.псих.н., доцент

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
город Киров

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые вопросы особенностей мотивации и стимулирования военнослужащих пограничных органов Российской Федерации. Также, определена сущность педагогической культуры офицера как важнейший компонент его профессиональной деятельности в современных условиях службы, определяющей эффективность деятельности личного состава и развития мотивации*

The article examines specific aspects of the motivation and incentivization of military personnel serving in the border agencies of the Russian Federation. It also defines the essence of an officer's pedagogical culture as a crucial component of their professional activity under modern service conditions—one that determines the effectiveness of personnel performance and the development of motivation

***Ключевые слова:** педагогическая культура офицера, профессиональная мотивация, ритуал, пограничные органы, сотрудники*

***Keywords:** pedagogical culture of an officer, professional motivation, ritual, border guard agencies, personnel*

Одним из факторов, влияющих на успешное выполнение пограничными

органами возложенных на них задач, наряду с качеством профессиональной подготовки сотрудников, является уровень их профессиональной мотивации. Как и во всякой сложной системе, в мотивационной сфере присутствует множество проблем и противоречий, часть из которых присуща пограничному социуму. Нередко наблюдаются негативные явления, связанные с деформацией мотивационной сферы сотрудников, их недостаточной убежденностью в необходимости своей служебной деятельности, искаженным представлением о личной и социальной значимости собственного труда, что влечет за собой намерение сотрудников уволиться с военной службы. Особую тревогу вызывает то, что в первую очередь в «группу риска» попадают молодые или недавно зачисленные в пограничные органы сотрудники, причиной чего являются управленческая незрелость и отсутствие у руководителей необходимых психолого-педагогических качеств, что и обуславливает актуальность данного вопроса.

В научной разработке проблем военно-профессиональной направленности как совокупности побудительных мотивов деятельности военнослужащих выделяется ряд исследований, связанных с мотивацией в воинской деятельности как объекта системного анализа и управления. Так, в научных работах И. В. Кузнецовой, Б. В. Кузьменко и ряда других ученых отмечается прямая зависимость возможности достижения высокого качества кадров от совпадения личностно-мотивационного вектора и требований общественно-государственного заказа на военнослужащего в пограничных органах.

Научно-теоретические взгляды, раскрывающие эффективность профессиональной деятельности и связь с мотивацией специалиста, изложены в теориях Ф. Э. Зеер, Н. С. Глуханюк, Н. М. Глухенькая, Э. Э. Сыманюк, Э. С. Чугунова. [1].

В современных исследованиях отмечена большая роль педагогической культуры офицера как явления, представляющего собой совокупность морально-психологических, профессиональных и коммуникативных качеств, обеспечивающих эффективность мотивации сотрудников в условиях изменяющейся социальной и оперативно-стратегической обстановки [2].

Таким образом, осуществление пограничной деятельности во многом обусловлено осознанием пограничниками потребностей в общественном признании своего важного для обеспечения национальной безопасности труда по защите и охране государственной границы, а также в собственной самореализации и достижении определенных профессиональных результатов.

В пограничных органах успешность работы по развитию профессиональной мотивации сотрудников во многом зависит от умелого использования таких форм нематериального стимулирования, как индивидуальный подход к личности сотрудника в сочетании с применением педагогических методик, справедливая оценка результатов служебной деятельности и создание служебных перспектив; использование мотивов достижения, самореализации и общественного признания; обеспечения гласности в вопросах применения мер стимулирования, поиск и внедрение его новых форм; ориентация процесса воспитания на положительные примеры служебной деятельности.

От уровня педагогической культуры сотрудников в пограничных органах в значительной мере зависит эффективность боевой подготовки, морально-психологический климат в подразделении, а также способность самостоятельного развития личностных и профессиональных качеств. Именно поэтому педагогическая культура офицера рассматривается современными исследователями как важнейший компонент профессионального военного специалиста в условиях изменяющейся социальной и оперативно-стратегической обстановки [3].

Педагогическая культура офицера является практической реализацией целостной структуры знания, опыта, отражающих способность офицера к взаимодействию с подчиненными и совершенствования личного состава. В современных условиях ведения военных действий, информационной войны и ужесточения требований к качеству военной службы значение педагогической культуры существенно возросло.

Мотивация офицеров к развитию педагогической культуры напрямую связана с системой оценки их служебной деятельности. В настоящее время при проведении аттестации и составлении служебной характеристики основное

внимание уделяется показателям боевой подготовки, дисциплинарной практики подразделения и выполнения им служебных и боевых задач, без соотнесения оцениваемых показателей с психолого-педагогической компетентностью офицера. Педагогические результаты работы с личным составом зачастую носят вторичный характер [1].

Войсковая практика показывает прямую взаимосвязь уровня педагогической культуры офицера и дисциплинарной практики подразделения, качества выполнения поставленных служебно-боевых задач. Таким образом, можно утверждать, что включение показателей качества обучения и воспитания подчиненных в систему аттестации офицеров приведет к повышению боеготовности подразделений в целом.

Рассматривая эффективные средства формирования и развития служебной мотивации сотрудников пограничных органов, отметим исторически сформированные ценности, соответствующие целям и задачам пограничной деятельности. Одним из источников формирования у членов пограничных коллективов профессионально-ценностных ориентаций, норм и идеалов неотъемлемо являются передаваемые из поколения в поколение традиции, ритуалы и символика.

В качестве важного средства профессионального мотивирования сотрудников подразделений пограничных органов традиционно рассматривается наставничество, представляющее собой процесс, направленный на сокращение сроков профессиональной и психологической адаптации молодых офицеров к новым условиям службы, формирование и закрепление у них мотивационных установок, необходимых для эффективного выполнения служебных задач [3]. В этой связи целесообразно создание методических групп, разработке единых методических рекомендаций, что будет способствовать формированию устойчивых психолого-педагогических навыков и развитие профессиональной мотивации состава подразделений пограничных органов и, как следствие, являться средством по повышению общей педагогической культуры офицеров как системы ценностей, убеждений и традиций, обеспечивающих эффективное выполнение служебно-боевых задач подразделением.

Только обладающий высоким уровнем педагогической культуры офицер способен обеспечить устойчивое развитие личностного и профессионального потенциала подчиненных, повысить боеготовность и морально-психологическую устойчивость войск.

Список литературы

1. Белошицкий А. В. Становление субъектности будущих офицеров в военном вуз: дис. ... д-ра педагог. наук: 13.00.01 / Белошицкий Александр Владимирович. М., 2009 г. 373 с.
2. Голуб В. В., Голуб А. В. Педагогическая культура офицера в современных условиях: проблемы и пути решения / Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 124–130. EDN: IAYNJJN.
3. Гурьянов Ю. Н. Психологическая работа в пограничном отряде: учебно-методическое пособие. – М.: Пограничная академия, 2000. – 340 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2010. – 352 с.

УДК 159.922

**ВЛИЯНИЕ ОПЫТА МАТЕРИНСТВА (ИЛИ ЕГО ОТСУТСТВИЯ)
НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ЖЕНЩИН 30-45 ЛЕТ**

Юматова Ольга Александровна

магистрант

Научный руководитель: Патрикеева Элла Геннадьевна,

кандидат психологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский

государственный университет им. Н. И. Лобачевского»,

Арзамасский филиал ННГУ

Аннотация. В научной статье рассматривается влияние наличия или отсутствия опыта материнства на личностное развитие женщин в возрасте 30–45 лет. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных источников показано, что данный возрастной интервал является критическим для пересмотра идентичности, столкновения с биологическими ограничениями и социальными ожиданиями. У матерей фиксируется трансформация рефлексии в прикладное русло, перестройка приоритетов в сторону детских потребностей и снижение тревоги за себя при гиперчувствительности к рискам ребёнка. У женщин без материнского опыта обнаруживаются множественные идентификационные стратегии, обострённая возрастная рефлексия и необходимость самостоятельного конструирования смыслов.

Abstract. This scientific article examines the influence of motherhood experience (or its absence) on the personality development of women aged 30–45 years. Based on a theoretical analysis of Russian and foreign sources, it is shown that this age interval is critical for identity revision, confrontation with biological constraints, and social expectations. Mothers demonstrate a transformation of reflection into a pragmatic

form, a restructuring of priorities toward children's needs, and a reduction in self-directed anxiety combined with hypersensitivity to risks concerning the child. Women without motherhood experience show multiple identification strategies, heightened age-related reflection, and the need for independent construction of meanings.

Ключевые слова: материнство, бездетность, личностное развитие, женщины 30–45 лет, идентичность, возрастная рефлексия, репродуктивный выбор

Keywords: motherhood, childlessness, personality development, women aged 30–45, identity, age-related reflection, reproductive choice

Актуальность настоящей работы определяется, во-первых, растущей вариативностью репродуктивного поведения женщин 30–45 лет – многие откладывают деторождение или отказываются от него. Во-вторых, сравнительный анализ личностных изменений у матерей и женщин без детей именно в этом возрасте практически отсутствует, хотя данный этап ключевой для пересмотра идентичности.

Весомый вклад в разработку проблемы психологии материнства внесла Г. Г. Филиппова. В отечественной науке интерес к личностному развитию женщин без детей проявился в работах Т. В. Андреевой. Анализ научных источников позволяет утверждать, что большинство эмпирических работ сосредоточено на раннем материнстве (20–30 лет) или на периоде после 50 лет, тогда как группа 30–45 лет изучена недостаточно.

В возрастном интервале 30–45 лет женщина оказывается в точке пересечения нескольких нормативных давлений. Социальные ожидания, транслируемые через семейное окружение, медиа и медицинские дискурсы, по-прежнему связывают «нормальную» женскую биографию с рождением хотя бы одного ребёнка. Как отмечает Т. В. Андреева, в обыденном сознании сохраняется установка: к 35 годам женщина должна определиться с материнством, иначе её статус начинает восприниматься как отклоняющийся [1, с. 67]. Данное давление усиливается в российской социокультурной среде, где традиционные ценности активно поддерживаются на государственном уровне.

Одновременно с этим работают биологические часы – объективное

ограничение фертильности, которое после 35–37 лет становится всё более заметным. Для женщин, ещё не реализовавших материнство, каждый прожитый год после 30-летия сопровождается усилением внутреннего диалога о «последнем шансе». Этот диалог может принимать форму тревожных переживаний или, напротив, сознательного отказа от попыток успеть всё.

Третьей значимой линией выступает профессиональная реализация. В последние десятилетия женщины массово вкладывают ресурсы в образование и карьеру, что сдвигает возраст первого деторождения вверх. В крупных городах нередкой становится ситуация, когда к 30 годам женщина только вышла на стабильный профессиональный уровень и психологически не готова оставлять карьеру ради декрета. Женщины описывают период 30–35 лет как время конфликта между желанием работать и осознанием, что репродуктивное окно сужается.

Пересечение этих трёх векторов – социального, биологического и профессионального – создаёт специфический фон личностного развития. Для матерей данный контекст трансформируется в задачу совмещения ухода за детьми с работой и поддержанием социально одобряемого образа. Для женщин без детей – в необходимость вырабатывать защитные стратегии против стигматизации («чайлдфри», «эгоистка», «несостоявшаяся») и одновременно выстраивать альтернативные сценарии смыслообразования. В зарубежной литературе подчёркивается, что добровольная бездетность перестала быть маргинальной, но всё ещё требует от женщины развитой рефлексии и устойчивости к внешнему давлению [3, с. 112].

В итоге контекст, в котором происходит личностное развитие женщин 30–45 лет, не является единым. Он расколот на два типа ситуаций: для матерей – ситуация множественной занятости и дефицита времени на себя; для нерожавших – ситуация открытого выбора, осложнённого ощущением уходящего времени и необходимостью оправдываться перед окружением. Обе ситуации порождают свои риски и ресурсы.

У женщин, имеющих опыт материнства, фиксируются устойчивые изменения в трёх взаимосвязанных сферах. Рефлексия приобретает прикладной

характер. Вместо абстрактных вопросов о смысле жизни запускаются короткие прагматичные циклы: «что будет, если ребёнок заболеет», «как успеть в поликлинику до работы», «хватит ли денег на секцию». Данный тип рефлексии обслуживает повседневные задачи и не требует длительного самоаналитического погружения. Как отмечает Г. Г. Филиппова, материнство выступает «принудительным контекстом», в котором рефлексия теряет свою роскошную медлительность и становится инструментом выживания в режиме многозадачности [2, с. 158].

Иерархия приоритетов перестраивается кардинально. То, что до рождения ребёнка занимало центральные позиции (карьерные амбиции, внимание к собственной внешности, развёрнутый досуг), отодвигается на периферию. На первый план выходят благополучие, здоровье и развитие детей. Важно, что данный сдвиг не всегда переживается как добровольный; нередко он сопровождается чувством утраты прежней свободы, однако со временем становится естественным фоном.

Трансформация риск-восприятия выглядит парадоксально. С одной стороны, матери демонстрируют гиперчувствительность к угрозам, адресованным ребёнку: опасные игры, незнакомые люди, инфекции, школьные неудачи. С другой стороны, их собственная тревожность в отношении личных рисков (увольнение, болезнь, социальное неодобрение) значительно снижается по сравнению с периодом до материнства. Этот феномен связан с перераспределением когнитивных и эмоциональных ресурсов: всё, что не касается ребёнка, автоматически маркируется как «менее важное» и не запускает сильных аффективных реакций. В итоге общий уровень стресса может оставаться высоким, но его источник становится единым и предсказуемым, что парадоксальным образом облегчает психологическую адаптацию по сравнению с «размытой» тревогой, характерной для бездетных сверстниц.

Данные изменения не являются моментальными. Они разворачиваются постепенно, достигая пиковой выраженности в период, когда ребёнок идёт в школу (примерно 7–8 лет жизни ребёнка, что соответствует возрасту матери 35–40 лет). К концу анализируемого интервала (45 лет) у многих матерей наступает

некоторая стабилизация: дети становятся более самостоятельными, и появляется пространство для возврата к частично забытым интересам. Однако базовые сдвиги – прагматичная рефлексия, приоритет детских потребностей, сниженная тревога за себя – сохраняются как устойчивые личностные черты и в более позднем возрасте [1, с. 92].

У женщин, не имеющих опыта материнства, в возрасте 30–45 лет обнаруживаются иные паттерны личностной динамики. Идентификационные стратегии здесь чаще строятся вокруг профессиональной, творческой или партнёрской сферы. В отличие от матерей, чья идентичность плотно «привязана» к детской тематике, женщины без детей описывают себя через процессы: «развивающийся специалист», «путешественник», «заботящаяся тётя», «человек, который ещё не решил». Как показано в работах Т. В. Андреевой, такая множественность даёт гибкость и устойчивость к жизненным неудачам, но одновременно создаёт трудности с ответом на вопрос «кто я?» без отсылки к социально одобряемой роли [1, с. 71].

Временная перспектива у этой группы имеет специфическую конфигурацию. До 35 лет часто доминирует установка «ещё успею» – материнство откладывается на неопределённый срок. После 35–37 лет, когда биологические часы становятся ощутимыми, происходит либо резкая активизация репродуктивного поведения, либо психологическое обесценивание самой идеи деторождения. Вторым сценарий может принимать форму постепенного переключения на другие смыслы: «я поняла, что могу быть счастлива и без детей». Важно, что даже при осознанном отказе от материнства периодические всплески сомнений и горевания об упущенном сохраняются – это нормальная часть психологической адаптации, а не признак невротического конфликта.

Механизмы смыслообразования у женщин без детского опыта строятся без опоры на универсальный культурный сценарий. В итоге им приходится собирать значимость из разных источников: профессия, хобби, дружба, забота о племянниках, волонтерство, отношения с партнёром или домашними питомцами. Женщина вынуждена постоянно подтверждать себе и окружающим, что её жизнь «не

пуста». Это давление снимается только при наличии сильной внутренней системы ценностей и поддержки ближайшего окружения, не травмирующего вопросами «когда же ты родишь?». К 45 годам у большинства женщин этой группы наступает относительное равновесие: репродуктивный вопрос либо решён (через отказ или альтернативные способы), либо перестаёт быть центральным. Как отмечает А. Блэкстоун, женщины без детей к середине жизни часто оценивают свою жизнь как полноценную и осмысленную, хотя и признают, что путь к этому был более извилистым [3, с. 187].

Сравнение двух групп женщин 30–45 лет выявляет как неожиданные сходства, так и устойчивые различия. Эмпатия – способность к сопереживанию, пониманию чувств другого – не зависит от наличия материнского опыта. Вопреки распространённому стереотипу, согласно которому «настоящее сочувствие приходит только с рождением ребёнка», теоретические источники свидетельствуют об обратном. Эмпатийные реакции формируются в широком круге отношений: с партнёром, друзьями, племянниками, коллегами, даже с домашними животными. Рождение ребёнка не является ни необходимым, ни достаточным условием для развития сопереживания.

Ответственность же распределяется принципиально по-разному. Матери несут её в первую очередь за конкретного другого – ребёнка (или нескольких детей). Их ответственность конкретна, привязана к повседневным действиям (покормить, одеть, проверить уроки, оплатить кружок) и легитимизирована культурой как «естественная». Женщины без детей ответственны прежде всего за себя, свои проекты и своё будущее. Эта форма ответственности менее очевидна для окружающих и часто обесценивается как «эгоизм» или «инфантильность». Однако такая ответственность требует не меньших, а порой и больших внутренних усилий, поскольку отсутствует внешний «якорь» в виде ребёнка, заставляющего вставать по утрам и планировать день [1, с. 50].

Отношение к старению – ещё одна зона расхождения. У матерей старение неразрывно связано с взрослением детей. Годы фиксируются по росту ребёнка, его успехам в школе, его постепенному отделению. Собственные морщины или

ухудшение здоровья переживаются мягче – они как бы «в тени» детских изменений. Вследствие этого возрастной рубеж в 40–45 лет для многих матерей не становится кризисным: он просто констатирует, что ребёнок подрос. У женщин без детей такого «объективного календаря» нет. Старение фиксируется по собственному телу – первым морщинам, снижению энергии, медицинским диагнозам. Это делает возрастные переходы более острыми и рефлексивно насыщенными.

Парадокс в том, что именно отсутствие материнства нередко позволяет женщинам дольше сохранять молодой образ жизни – больше путешествовать, заниматься спортом, учиться новому. Как подчёркивает А. Блэкстоун, многие добровольно бездетные женщины демонстрируют высокий уровень социальной и физической активности даже в возрастной группе 40–45 лет [3, с. 156]. В итоге объективная биологическая скорость старения может быть даже ниже, а субъективное его переживание – острее. Это расхождение между физическим и психологическим возрастом требует отдельного внимания.

Проведённый анализ психологической литературы по теме личностного развития женщин 30–45 лет с разным репродуктивным опытом позволил установить несколько ключевых положений. Опыт материнства связан с трансформацией рефлексии в прикладное, операциональное русло, перестройкой иерархии приоритетов в сторону детских потребностей и парадоксальным изменением риск-восприятия – гиперчувствительностью к угрозам ребёнку при одновременном снижении тревоги за себя [2]. Отсутствие материнского опыта, в свою очередь, сопровождается множественными идентификационными стратегиями, специфической временной перспективой с обострением возрастной рефлексии после 35 лет и необходимостью самостоятельного конструирования смыслов без опоры на универсальный культурный сценарий [1, 3].

В итоге получено понимание того, что ни одна из двух траекторий не является однозначно «развивающей» или «дефицитарной». Материнство дисциплинирует личность, фокусирует тревогу и даёт готовую систему смыслов, но может сужать спектр доступных идентификаций. Отсутствие материнства сохраняет вариативность и гибкость, но требует от женщины развитой рефлексивной

способности и устойчивости к внешнему давлению. Эмпатия, вопреки стереотипам, не зависит от репродуктивного статуса, тогда как переживание ответственности и отношение к старению различаются принципиально: у матерей старение «затмевается» взрослением детей, у женщин без детей оно переживается более прямо и остро, хотя объективно физическое старение может наступать медленнее.

Анализ теоретических источников позволил установить, что возрастной интервал 30–45 лет является критическим для обеих групп, но по разным причинам. Для матерей – это период, когда дети становятся более самостоятельными, и появляется возможность «вернуться к себе», что порождает как облегчение, так и кризис утраченных идентичностей. Для женщин без детей – это «последний вагон» репродуктивных возможностей, требующий окончательного решения и принятия его последствий. Обе группы к 45 годам в большинстве случаев достигают относительного психологического равновесия, однако пути к нему выглядят принципиально по-разному.

Ограничениями настоящей научной статьи выступают, во-первых, её сугубо теоретический характер – отсутствие собственных эмпирических данных на российской выборке. Во-вторых, в анализируемых источниках недостаточно представлены женщины промежуточных или нестандартных статусов: матери, пережившие потерю ребёнка; женщины, прошедшие через ЭКО с неудачным исходом; приёмные матери; женщины, сознательно отказавшиеся от материнства не в пользу карьеры, а в пользу иных ценностей (экологические, философские убеждения). В-третьих, практически не проработан вопрос о региональных и социально-экономических различиях – большинство цитируемых работ выполнено на городских выборках с высоким образовательным уровнем. Перспективы дальнейших разработок связаны именно с заполнением этих пробелов, а также с лонгитюдным отслеживанием внутригрупповой динамики от 30 до 45 лет с шагом в 3–5 лет.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. Психология семьи: учебное пособие для вузов / Т. В.

Андреева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Питер, 2014. — 334 с.

2. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие для вузов / Г. Г. Филиппова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юрайт, 2022. — 212 с.

3. Blackstone, A. Childfree by Choice: The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence / A. Blackstone. — New York: Penguin Publishing Group, 2019. — 304 p.

4. Кочетова, Ю. А. Личностная идентичность женщин среднего возраста, не реализовавших гендерную роль матери / Ю. А. Кочетова, М. В. Климакова, З. Х. Хазова / Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10, № 3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PSMN322.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).

**«НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ»**

XIX Международная научно-практическая конференция
Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 07.07.2026 г. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 5,35
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times NewRoman
Тираж 50 экз. Заказ 90.